

«Фишка Александры Мироновой: предсказуемо не будет».
НАТАЛЬЯ ПОЛЯНСКАЯ, ПИСАТЕЛЬ

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

НА ИСХОДЕ ФЕВРАЛЯ

Сможет ли Золушка быть по-настоящему
счастливой во дворце?

Александра Васильевна Миронова

На исходе февраля

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63813856

На исходе февраля: Издательские технологии / RUGRAM; Москва; 2021

ISBN 978-5-517-04743-4

Аннотация

Марина живет, как и миллионы женщин. Махнув на себя рукой, вкалывает на двух работах, чтобы дать возможность талантливой дочери состояться в жизни. Сил не хватает – путь к вершине тернист. Но Марина старается не унывать и находить во всем позитив. За это ее любят друзья и коллеги, а одинокие покупатели небольшого супермаркета, где работает Марина, стремятся перекинуться с ней парой слов. За свою доброту и отзывчивость Марина получает награду, и вот она уже обладательница половины царства, да ещё и прекрасного принца в придачу.

Но что с этим всем делать? Смогут ли деньги помочь ее дочери, а прекрасный принц завоевать сердце Золушки? И сможет ли Марина стать по-настоящему счастливой во дворце?

Александра Миронова

На исходе февраля

© Миронова А., 2021

© T8 RUGRAM, оформление, 2021

© T8 Издательские технологии, 2021

Александра Миронова

**НА ИСХОДЕ
ФЕВРАЛЯ**

Тонкая дрожащая игла впиалась в измученный мозг. Первым порывом было вскочить, не дожидаясь, пока зазвонит следующий будильник, заведенный на всякий случай и задвинутый в дальний угол. Чтоб наверняка. На исходе зимы вставать было тяжело. Сказывалось отсутствие солнца, витамина Д и мелких радостей вроде набухающих почек, набирающей изумрудность зелени и первого щебетания птах Божьих, неизменно наполнявших ее радостью и оптимизмом.

Не открывая глаз, Марина села на диване, стараясь удержать от скрипа разболтавшиеся пружины. Усилием воли заставила себя вспомнить, что первой на пол следует опустить правую ногу. Подумано – сделано. На ощупь нашла старые растоптанные тапки, погрузила в них ноги. Посидев несколько секунд, решительно отбросила одеяло и встала. Стараясь не шаркать, двинулась в кухню, по пути с трудом разлепляя глаза и пытаясь сфокусироваться на окружающем мире.

Сознание потихоньку возвращалось. Понедельник. День вовсе не тяжелый, обычный, начало рабочей недели. Придерживаясь за стены, чтобы не упасть, она бесшумно прокрадлась мимо комнаты дочери (пусть поспит. Такая уставшая и бледная в последнее время – смотреть страшно!). Зашла в крошечную уютную кухню и осторожно прикрыла за собой дверь. Включила старенький чайник и достала из ящика банку с растворимым кофе. Запасы истощились: содержимого хватит только на утреннюю чашку. Но она дождется акции и тогда уже купит новый, зачем тратить деньги почему зря?

Лучше Кирусе гранат прикупит. Или сока какого.

В ожидании, пока чайник вскипит, Марина умыла лицо холодной водой и энергично растерла его небольшим пушистым полотенцем, аккуратно свернутым возле раковины. Кожа немедленно стянуло и защипало, но она проигнорировала возрастные сигналы организма. Обойдется без лишних телодвижений и похода в ванную за кремом, а то дочь разбудит. В конце концов, нет никакой разницы в том, когда нанести на лицо чудодейственный крем «Ромашка», купленный в небольшом магазинчике под домом. Толку от него все равно будет мало.

Залив кипятком ложку растворимого напитка, она сделала первый, самый сладкий, глоток и, окончательно проснувшись, открыла холодильник. Настроение потихоньку расцветивалось радужными красками. Все не так плохо, как могло показаться со стороны, реши сторонний беспристрастный наблюдатель строго взглянуть на жизнь Марины и Киры Бердник.

Наверное, он пришел бы в ужас от старой квартиры, давно требующей ремонта, которую уже не спасали чистые полы, окна без единого пятнышка и уютные мелочи. От полупустого холодильника с набором самых дешевых продуктов: яйца, маргарин, куриные грудки, две пачки творога и пучок зелени. От растоптанных тапок Марины, на подошве которых уже начинала расползаться дыра. Но это все мелочи, ведь, безусловно, было и хорошее, что этот наблюдатель, возмож-

но, проигнорировал бы, но о чем знала сама Марина и что грело ей душу.

Сгущенки почти полная банка, и сегодня утром она даже могла пошиковать и добавить в кофе вместо одной ложки – две. Небольшая своеобразная компенсация за зарядивший за окном мелкий дождик, превративший покрытые льдом тротуары в настоящий каток. Ну ничего, выйдет пораньше и постарается идти осторожнее. А чтобы не упасть, наклеит на подошву лейкопластырь. Вчера она урвала целую коробку, которую Зоя собиралась списать, но в последний момент предложила Марине. Повезло.

Марина тщательно размешала две ложечки сгущенки в кофе и, зажмурившись от удовольствия, сделала несколько мелких глотков. Затем, оставив чашку в сторону, вылила остатки кипятка из чайника в кастрюлю, включила огонь и, дождавшись, пока вода еще раз закипит, добавила туда тщательно промытый рис. Уменьшила огонь, отодвинула в сторону несколько небольших горшочков с травами и присела на подоконник, уставившись в окно на унылый пейзаж, которому, впрочем, желтый свет уличного фонаря придавал флер романтизма.

Двор дома, в котором Марина жила, сколько себя помнила, был абсолютно пуст: в это время нормальные люди еще спят. Несчастные собачники покажутся не раньше шести. Поэтому сейчас все огромное пространство перед старой пятиэтажкой, уставленное машинами и покрытыми сне-

гом чахлыми кустами, принадлежало ей одной. Можно было представлять в свое удовольствие, как бы она здесь все организовала, будь ее воля. Какие бы деревья и цветы посадила на месте парковок и в какие яркие цвета разукрасила бы стены облезлых домов. Без сомнения, ее двор стал бы образцовым, и люди со всего города стекались бы к ней перенять опыт.

Представленная картина настолько увлекла, что Марина чуть не пропустила время, когда рис дошел до нужной кондиции. Сняв кастрюлю с плиты, она ловко укутала ее в банное полотенце и все так же, крадучись, вернулась в свою комнату и положила кастрюлю под подушку, прикрыв ее сверху одеялом. Так дольше сохранится тепло. Кируся встанет через час, поест тепленькое, зарядится нужными калориями и отправится на тренировку. А у нее, Марины, свои дела.

Спустя двадцать минут, быстро приняв душ, одевшись в приготовленные еще с вечера брюки со свитером и накинув старый пуховик, не промокающий даже в проливной дождь, Марина вышла на улицу. Остановилась на пороге подъезда, аккуратно придержала дверь (та жутко гроыхала и, наверняка, причиняла массу неудобств соседям на первом этаже) и сделала глубокий вдох. Несмотря на гололед и дождь, уже перешедший в мокрый снег, в воздухе пахло весной. Осталось продержаться совсем чуть-чуть, и наступит любимое время года.

Приободренная этой мыслью Марина потихоньку засемила к автобусной остановке. Предчувствия ее не обманули: день действительно вырисовывался удачный. Автобус подошел практически сразу и оказался полупустым. Ее любимое место над задним колесом возле печки оказалось свободным, и Марина почувствовала себя абсолютно счастливой. Взгромоздившись на потертое, местами порезанное неслышными гражданами мягкое сидение и устроившись поудобнее, Марина достала книгу, которую уже три дня не могла дочитать – недорогой дамский роман в мягкой обложке – и погрузилась в волшебный мир британской аристократии, в чьей жизни бушевали нешуточные страсти.

Автор умело подводил героев к последней черте, и Марина даже пару раз украдкой смахнула слезы. Последнюю страницу она закончила как раз перед тем, как автобус остановился на нужной ей остановке «Приусадебная».

Она была единственной, кто поспешил на выход. Местные обитатели предпочитали ездить на собственных автомобилях. И ей снова повезло: за время поездки дождь прекратился, и сквозь рваные тучи робко начало проглядывать зимнее солнце.

Много лет назад «Приусадебная» была обыкновенным дачным пригородом, но затем какой-то предприимчивый делец построил здесь первый коттеджный городок, вокруг которого ему удалось создать элитную инфраструктуру. Слово почки по весне, здесь буквально за ночь вырастали и от-

крывались самые дорогие в городе рестораны, салоны красоты, бутики и все, о чем только могли мечтать состоятельные люди.

Марине здесь очень нравилось, иногда она даже специально приезжала чуть раньше, чтобы медленно пройти до нужной ей улицы и поглазеть по сторонам на красивые дома с аккуратными нарядными лужайками, выглядевшими словно декорации к иностранному сериалу. Один раз она даже украдкой попробовала траву (настоящая ли?), уж слишком идеально та выглядела. Ей нравились высокие солидные заборы, увитые плющом или розами, кованые ворота и выглядывавшие из-за них скромные домики для охраны или гостей. Ей безумно нравилась эта атмосфера богатства. Она с удовольствием вдыхала ее, как учили многочисленные guru эзотерики, и представляла, как в один прекрасный день они с Кирусей купят здесь дом, снесут высокий забор и разобьют клумбы с умопомрачительными розами и гортензиями на радость всем окружающим.

Этот день обязательно наступит, в этом Марина даже не сомневалась – она верила в свою дочь. А пока она не испытывала ни малейшей зависти к тем, кто сейчас обитал за высокими заборами. Ведь если заборы настолько высоки, значит, их обладателям есть что скрывать и чего бояться. В отличие от них Марина запирала входную дверь только на ночь, считая, что если будет доверять окружающему миру, то и он будет относиться к ней с доверием. Да и брать у них с Кирой

было нечего. Разве что старые тапки и банку сгущенки. При мысли о последней Марина хихикнула, окончательно приходя в прекрасное расположение духа.

Перед тем как позвонить в ворота особняка, украшенные затейливыми вензелями и кованой цифрой «шесть», она осмотрела руки и порадовалась: от пятен не осталось ни следа. Крем, который ей посоветовала Валентина, действительно оказал чудодейственный эффект. Чтобы его раздобыть, подруга даже отправилась к очередному влюбленному в нее дерматологу. При мысли о Валентине и ее бесконечных романах Марина снова широко улыбнулась. Так с улыбкой на лице она и позвонила в небольшой звоночек, спрятанный под вензелем, и бросила взгляд на часы – успела!

Спустя несколько минут дверь открыла Галя, мимолетно приветливо улыбнулась Марине и тут же шепнула:

– Хозяйка тебя ждет.

Марина нахмурилась. Изысканная и тонкая Ксения Львовна крайне редко общалась с персоналом – все указания передавала через экономку Галину. Утренние предчувствия не обманули Марину: сегодняшней день действительно отличался от всех остальных.

– Сегодня играть не будем, – коротко бросил Борис Георгиевич, едва запыхавшаяся Кира приблизилась к нему, сде-

лав традиционные двадцать кругов вокруг корта.

Несколько раз поскользнулась и чуть не упала на мокрой пожухлой траве, но устояла, чем заслужила короткий кивок одобрения со стороны Бориса. Ей было жарко, но куртку снимать нельзя: она защищала от дождя, припустившего с новой силой. Кира остановилась и, пытаясь восстановить дыхание, уставилась на тренера.

– На тренажеры, – тот кивнул в сторону поржавевших монстров, которые несколько лет назад некий бизнесмен установил неподалеку от детской площадки в тщетной попытке выиграть муниципальные выборы.

– А потом пойдем в зал и будем набивать. Прошлая игра была говном.

Кира опустила глаза и затаила дыхание. Прошлый матч она впервые за долгое время проиграла Анне Середе, восходящей звезде тенниса и ее основной конкурентке. Анна олицетворяла собой все то, чего была лишена Кира.

Единственная дочь состоятельных родителей, все каникулы проводившая в специализированных лагерях за границей и четыре раза в год катающаяся в качестве зрителя на турниры Большого Шлема. В этих путешествиях ее неизменно сопровождала мать, роскошная Карина Матвеевна, и директор крупнейшей в городе теннисной академии, в последствии разбиравший с Аней каждую игру и затем лично наставлявший тренеров, чтобы те отрабатывали с Анной увиденное.

Анна была рождена звездой. Несмотря на юный возраст, в кармане у нее уже лежало несколько лакомых рекламных контрактов. Еще бы, увидев девушку на билборде невозможно было остаться равнодушным: всем немедленно хотелось стать похожей на нее.

Стройная, высокая, идеально сложенная натуральная блондинка, всегда восхитительно одетая в короткие юбки и специальные футболки, регулировавшие температуру ее тела во время игры. Рядом с невысокой тщедушной брюнеткой Кирой, выступавшей в обычной футболке и растянутых спортивных штанах, купленных на рынке, она смотрелась как принцесса рядом с нищей. И рядом с Аней Кира всегда очень остро ощущала собственную ущербность, что немедленно наполняло ее злостью, как сосуд – водой, и заставляло биться до последнего мяча и выигрывать поединки. Но не в этот раз. Что-то пошло не так, и тренеру не терпелось узнать, что именно.

Пока Кира подтягивалась на ржавом турнике, Борис Георгиевич, которого Кира с матерью между собой прозвали Борисом (с ударением на первый слог) за его удивительное внешнее сходство с Борисом Беккером, перекрикивая дождь, объяснял ее ошибки. Спокойно и рассудительно. Кира не осмеливалась перебивать или перечить. Закусив губу, она превозмогала собственную слабость и продолжала подтягиваться, стараясь не упустить ни слова из сказанного. Пожалуй, единственный человек, которого она безмерно ува-

жала и даже немного побаивалась, был ее тренер.

Это Борис привел ее в спорт. В прошлом известный теннисист, подававший огромные надежды и даже добиравшийся до полуфиналов престижнейших мировых турниров, он неожиданно ушел из спорта, закрылся от внешнего мира и, словно наказывая себя за что-то, ушел работать простым учителем физкультуры в школу, куда ходила Кира. Казалось, что работа с детьми стала для него своеобразной епитимьей.

Вначале работа казалась ему тупой и бесперспективной. Одна половина учеников прикрывалась справками от врача, чтобы не ходить на уроки, вторая бесконечно ныла и жаловалась, не в силах отжаться несколько раз. Современные дети тратили энергию не во дворах, а за гаджетами: виртуальный мир был куда более интересней реальности, и это приводило Бориса в отчаяние.

Наверное, поэтому Кира и привлекла его внимание. У ее матери, замученной бытом, работой и жизненной неустроенностью молодой женщины, просто не было средств ни на липовые справки, ни на гаджеты. Поэтому Кира ходила на уроки физкультуры. Решив немного разнообразить школьную программу, Борис попробовал дать детям несколько уроков тенниса и, увидев силу, ярость, точность и страсть, с которой крошечная Кира принялась бить по зеленому мячику, Борис неожиданно увидел в ней себя.

В тот же день он переговорил с матерью, ошарашив ее тем, что у дочери есть видимые способности в виде спорта, о ко-

тором та только слышала, да и то краем уха. Детское время было упущено: Кире вот-вот должно было исполниться девять – возраст, когда многие теннисисты уже начинают играть юниорские матчи. Но Борис закрыл на это глаза, неожиданно почувствовав знакомый спортивный зуд и азарт. Может быть, эта девочка и есть то, ради чего ему пришлось уйти из большого спорта? Чтобы привести туда Киру Бердник?

Решение он принял молниеносно. Он лично начнет заниматься с девочкой и приведет ее в нужную форму в кратчайшие сроки. Но он будет суров и беспощаден, о чем и объявил ее матери, красноречиво намекнув на то, что спорт может стать для Киры единственным шансом на красивую жизнь.

Побледневшая Марина попросила у него вечер на раздумье. Ночь провела без сна. Ее девочка и большой спорт? Эта мысль даже не приходила ей в голову. Кира была подвижным и энергичным ребенком, но сколько таких бегают на улице? Да, дочь была упряма и работоспособна, но Марина мечтала совсем о другом будущем, надеясь, что дочь закончит университет, выберет благородную профессию по душе вроде врача или программиста и всегда сможет заработать копейку. А теннис? Марина знала о нем только то, что это очень дорогой вид спорта. А откуда у нее деньги? Но в то же время мысль о загубленном будущем ребенка из-за неспособности найти нужные средства вызывала слезы на глазах и невольно заставляла задуматься о собственной неудавшейся жизни. Ту ночь она провела в слезах, так и не придя к опреде-

ленному выводу или решению.

Все решила сама Кира, утром пришедшая в зал, где ютилась мать, и тихо сказавшая, что хочет попробовать и сделает все возможное, чтобы ее учеба не пострадала. Марина с трудом сдержала слезы, услышав от крошечной девочки вполне взрослые речи, и кивнула. Они попробуют, а дальше будь что будет.

Конечно, она не сказала этого Кире, но в голове лихорадочно крутился лишь один вопрос: «Где взять на все деньги?» Словно прочитав ее мысли, Борис решительно заявил Марине, что станет заниматься с ее дочерью бесплатно в счет будущих гонораров, в которые он железобетонно верил. Кира была его креатурой, в ней он попытается реализовать все то, что не удалось ему самому. И поэтому он с самого начала был к ней беспощаден. Девочка к этому привыкла и смирилась. Знала, что самое главное – не перечить.

Разобрав по косточкам ее игру и отметив все ошибки, Борис уставился на Киру. Дождь прекратился, и в наступившей тишине тренер явно ждал ответа от воспитанницы.

– Я не... – Кира чуть было не сорвалась, повиснув на скользком турнике и чувствуя, что силы ушли. Но Борису нельзя было об этом говорить, иначе прибавит еще десять упражнений. Сцепив зубы она подтянулась еще два раза и спрыгнула на землю.

– Ты не что? – принялся сверлить он ее взглядом, сбрасывая с головы капюшон.

– Я не расслышала, – тут же исправилась и соврала Кира, улыбнулась тренеру, не рассчитывая на ответную улыбку, – может в спортзале еще раз повторите? Из-за дождя плохо слышно.

– В спортзале будешь заниматься. И чтобы больше я такого на корте не видел, – подытожил Борис, не сомневаясь – не увидит.

В прошлый раз девчонке явно было неудобно играть в кроссовках, которые стали ей давно малы, но она боялась сказать об этом матери. Он купил ей новую пару, но отдаст только в конце тренировки. Пусть не расслабляется.

– Марина, с сегодняшнего дня вы будете работать с новыми средствами. Я внимательно изучила отзывы, и мне кажется, что эта марка более эффективна, – Ксения говорила таким тихим голосом, что Марине каждый раз приходилось прилагать усилия, чтобы расслышать, что говорит ее работодательница.

Ей казалось, что именно так и должна разговаривать сказочная фея, на которую была похожа Ксения Львовна. Голосом, похожим одновременно на звук падающей волшебной пыли и призрачный звон колокольчика Динь-Динь. В один из дней она поделилась своими мыслями с Галиной, но та, хмыкнув, развеяла ее романтические представления, объяс-

нив, что голос хозяйки просто похож на циркулярную пилу – визгливый и монотонный. Поэтому та и старается говорить полупшепотом, чтобы скрыть это от окружающих. Но что можно укрыть от прислуги?

Марина удивилась – зачем такой красавице что-либо скрывать? Такую даже голос не испортит: розовая матовая кожа, идеальная фигура, пышные блестящие темные волосы, волнами укутывающие бывшую модель. Ксения была идеальна. Глебу Петровичу здорово с ней повезло. Хрупкая жена, похожая на изящную поделку из слоновой кости, железной рукой вела домашнее хозяйство и была чувствительна к малейшим деталям. Несколько лет назад она наняла Марину, чтобы та пять раз в неделю убирала помещения первого этажа – общедоступное пространство, где регулярно закатывались стильные вечеринки для многочисленных гостей. В хозяйские спальни на втором этаже Марину не допускали: там убирала личная горничная Ксении. А Марине нужно было «сохранить белое белым», как изящно выразилась Ксения Львовна, объяснив, что они с мужем выбрали белый цвет как основной цвет интерьера, чтобы оттенить находящиеся в доме предметы искусства.

Поэтому пять раз в неделю Марина надраивала специальными средствами белоснежную кухню, туалеты и мраморные полы огромного особняка, а раз в неделю тщательно мыла стены. Дом выглядел идеально, и Марина сама получала удовольствие от нахождения в нем: столько воздуха, света, чи-

стоты! Единственным минусом была кожная реакция на действенные моющие средства, которые Ксения закупала где-то за границей. Зуд и покраснения здорово осложняли жизнь Марины, но благодаря Валиному крему реакция быстро проходила.

С хозяином дома она пересекалась редко, и он наводил на нее священный ужас. Перед красивым статным мужчиной лет сорока, всегда стильно одетым, подстриженным и пахнущим горьковатым парфюмом, Марина цепенела словно кролик перед удавом. Это был человек из другого мира. В последний раз о таком она мечтала еще в балетной школе, когда наивно представляла себя примой Большого театра, к чьим ногам такие вот Глебы Петровичи кидают роскошные букеты и кого ждут на личных лимузинах по окончании представления. Но на мечтах был поставлен крест, когда педагоги заявили Марине, что дать ей больше ничего не могут и для дальнейшего развития ей нужно ехать в столицу и поступать в балетное училище. Для этого у нее есть все данные. Мама об этом, разумеется, и слышать не хотела. Да и сама Марина ни за что бы ее не бросила с лежачей бабулей. Поэтому из балета она ушла, не подозревая, что через полгода и мама, и бабушка уйдут практически одновременно и больше ничто не будет мешать ее карьере. Но момент был упущен.

Марина улыбнулась и слегка подула, отгоняя с лица выпавшую из аккуратной прически прядь. Ну какая из нее ба-

лерина, ей-богу. Так бы и Кирусю не родила. А ведь ее дочь в разы талантливее матери, пусть даже в другом. А Глеб... Ну, пусть будет мужчиной из другого мира, тем более что сердце ее уже занято другим, идеальным. И пускай чувство безответно, это совсем не важно – главное, что у нее на душе тепло.

– Марина, вы меня слушаете? – Ксения слегка повысила голос, и Марина вздрогнула – совсем погрузилась в свои мысли и отключилась от разговора.

– Да-да, – поспешно закивала она, а Ксения недоверчиво уставилась на прислугу.

– И что я только что сказала? – вкрадчиво переспросила она, с трудом удерживаясь, чтобы не закатить глаза. С персоналом всегда так сложно! Глеб должен ценить, что она дает ему возможность пребывать в мире прекрасного, а сама занимается черновой работой.

– Простите, Ксения Львовна, я не точно запомнила, – залопотала Марина, чувствуя себя последней душой.

– Я сказала, что теперь вы будете работать с этими средствами, а я посмотрю на результат. Две недели применяйте только их, – терпеливо и назидательно повторила Ксения и, дождавшись, когда прислуга понимающе кивнет, испарилась из комнаты, пояснив: Мне пора на пробежку, а к Глебу Петровичу приехал массажист. Постарайтесь сильно не шуметь и не мешать им.

Натянув перчатки, Марина приступила к работе. Похо-

же, хозяйка решила поменять направление и перейти с продукции под этикеткой «био» на термоядерную химию, которая, к слову, действительно оставляла после себя белоснежное пространство. Спустя пять минут Марина почувствовала, что задыхается, а спустя десять руки под перчатками начали немилосердно чесаться.

Марина ускорила, чувствуя, что еще немного – и ее просто вывернет на драгоценный мрамор. Ей удалось закончить на полчаса раньше обычного. Отказавшись от любезного предложения экономки выпить чай, Марина буквально выпала на улицу и судорожно вдохнула свежий воздух. Закашлялась и тут же закрыла рот руками, опасаясь, что потревожит хозяина.

Засеменила к калитке, на ходу доставая из кармана телефон – один пропущенный от Киры. Марина набрала дочь и, стараясь дышать ровно, выслушала, что та уже закончила тренировку и ждет занятий. Пожелав дочери хорошего дня, Марина потрусил к автобусной остановке, пытаясь восстановить дыхание. Руки зудели немилосердно, кожа снова покраснела, и на ней появилось несколько волдырей. Надо будет снова к Валентине забежать – она поможет. Возможно, еще раз поговорит со своим дерматологом и раздобудет какое-нибудь средство посильнее?

Стараясь не обращать внимание на все нарастающий зуд, Марина села в подошедший вовремя автобус и отправилась на основную работу.

Утро. В супермаркете традиционно пусто, бродит лишь несколько пенсионеров и молодых мамочек с детьми. Марина бросила быстрый натренированный взгляд на фрукты и овощи и то, что предлагалось сегодня по акции. Помидоры краснодарские и яблоки «Слава Победителю», отлично, главное – не забыть.

Дружелюбно махнув охраннику Максиму, Марина поторопилась в небольшую подсобку, где персонал переодевался и из которой можно было выйти в курилку. До начала ее смены оставалось пятнадцать минут: успеет поболтать с девочками и глотнуть немного кофе.

– Марина! – Зоя подошла, как всегда, неслышно и почти прошипела ее имя. Марина вздрогнула и чуть не выронила сумку – что за день такой? Все хотят с ней поговорить.

– Да, Зочка, – она повернулась к начальнице и искренне улыбнулась.

У Зои была непростая жизнь: больная мать и ребенок-инвалид. В отличие от остального персонала Марина относилась к ней с пониманием и не судила за резкие вспышки гнева и придирки. И не сплетничала за ее спиной. Наверное, Зоя это чувствовала (знать наверняка она не могла: в курилку она никогда не ходила, понимая, что ей там не обрадуются), поэтому к Марине она относилась более снисходитель-

но, чем к другим. Хотя критикой не обделяла.

– Марина, вчера на тебя снова жаловалась клиентка, ты слишком долго обслуживаешь людей и болтаешь во время работы.

– Знаю-знаю, – тяжело вздохнула Марина, снимая пуховик и свитер и открывая шкафчик, в котором хранилась ее униформа.

– Конечно, знаешь, – не удержавшись, фыркнула Зоя, – ведь я тебе уже тысячу раз об этом говорила.

– Зюечка, все знаю, но ничего поделать не могу. – Так и не надев униформу, Марина повернулась к начальнице и уставилась ей в глаза. Говорила честно, как обычно. Только так можно было достучаться до людей.

– Он же совсем одинокий, слова молвить не с кем, приходит сюда, чтобы пообщаться!

– Если так будет продолжаться, я буду вынуждена лишить тебя премии, – бесцеремонно перебила Зоя подчиненную, стараясь не пропускать через себя ее аргументы.

В глубине души она тоже была жалостливой и тоже сочувствовала одинокому старику в побитом молью пальто, приходившему в их магазин каждый день, чтобы немного поболтать с кассиром. Но она не могла позволить себе жалость, ведь в ее случае она измерялась в денежном эквиваленте. А для нее каждая копейка могла стать вопросом жизни и смерти.

Марина ничего не ответила, молча повернулась к шкафу-

чику и достала униформу.

– Марина, – неожиданно промямлила Зоя в несвойственной ей оправдательной манере, – я ведь не хочу тебя денег лишать, я в курсе всего, но что делать, такие правила.

– Я знаю, Зочка, и не сержусь, – натянув униформу, Марина снова повернулась к начальнице и улыбнулась.

Та несколько минут поколебалась, думая добавить еще что-то к уже сказанному, но затем молча вышла, а Марина, выскочив в курилку, где быстренько выкурила одолженную сигарету и перекинулась парой слов с коллегами, начавшими охать и ахать над ее раскрасневшимися руками, отправилась на рабочее место.

Проверила крошечные шпартгалки с номерами товаров без штрих-кода, поправила бумажку с датой рождения, от которой отсчитывается возраст тех, кому можно продавать алкоголь с сигаретами, и извечный призыв «ПРОВЕРЬ ДОКУМЕНТЫ», который Зоя лично раздала каждому кассиру, хотя Марина в этом напоминании и не нуждалась. Она была самым «старым» сотрудником, можно сказать, мастодонтом. Обычно люди здесь надолго не задерживались: уж слишком нервной была работа. А те, кто был достаточно стрессоустойчив и настойчив, вроде Зои, начинали двигаться дальше.

Но Марине продвигаться по службе мешал характер. Вздохнув, она улыбнулась самой себе в крошечное зеркальце, прикрепленное с ее стороны кассы. Время от времени она кидала в него взгляд, чтобы удостовериться в том, что

выражение ее лица приветливо и она не забыла про улыбку.

День покатился своим чередом. Завернуть в целлофан молочные продукты, чтобы не испачкали другие покупки, перепроверить ценники за ребятами из мясного и рыбного (иногда путают название товара), пересчитать пирожки и булочки за кондитеркой, спросить паспорт у подозрительно юных покупателей с бутылкой алкогольного напитка (при этом не перепутать коктейль и энергетик).

Снова спросить паспорт, но в этот раз у измученных жизнью женщин средних лет и заметить, как вспыхивают щеки и радостно зажигаются глаза.

И приготовиться ждать клиента, по чьей вине она в этом месяце останется без премии. По Петру Никаноровичу можно было сверять часы. Ровно в полдень пожилой мужчина в потрепанной жизнью и временем одежде появлялся в супермаркете. Брал традиционную бутылку свежего кефира, сладкий творожок, буханку хлеба и немного сыра. Раз в несколько дней разбавлял экономный набор упаковкой сметаны и куриной грудкой. Марина сочувствовала старику – на пенсию не разбежишься – и неизменно пробивала для него по социальной карте скидку «раннего покупателя», хотя та как раз в полдень и заканчивалась. Марина подозревала, что Зоя догадывается о ее мелком нарушении, но молчит, за что была благодарна.

Петр Никанорович, сколько Марина его помнила, всегда выглядел изможденно: запавшие щеки в синеватых прожил-

ках, которые не скрывала даже седая щетина; ввалившиеся глазницы, из которых он взирал на мир пугающе черными глазами; глубокие морщины, прорезающие лоб словно пиратские шрамы. Старик был похож на человека, резко сбросившего вес и так не вернувшегося в форму. Марина всегда старалась вручить ему листовку с предстоящими акциями и рассказать о том, что выгодно купить именно сегодня, но, казалось, Петра Никаноровича совсем не тревожила еда и все мирское. Единственное, в чем он нуждался, был внимательный слушатель. Каждый день он рассказывал Марине одну и ту же историю. Историю, которую она слышала уже тысячу раз.

– Здравствуйте, Мариночка, как ваши дела? – откашлявшись, традиционно поинтересовался Петр Никанорович, подходя к кассе, чтобы оплатить свои нехитрые приобретения.

Одетый в зимнее пальто, уже давно зиявшее прорехами и утратившее свой первоначальный цвет, выглядел старик устрашающе. Пожалуй, единственное, что не давало спутать его с маргиналом, были чистота и отсутствие запаха. Старик был очень аккуратен и не вызывал чувства брезгливости.

– Все хорошо, Петр Никанорович, – бодро отрапортовала Марина, бросая встревоженный взгляд за спину постоянного покупателя.

Там маячил мужик с тележкой, загруженной сверх меры. Он пытливым взглядом окидывал кассы, решая, куда же ему

направиться. Марина очень надеялась, что он отправится к ее коллеге – Заре, но та в этот момент терпеливо объясняла мальчишке, почему не может продать ему алкоголь без паспорта. Нахмурившись, мужик кинул быстрый взгляд на скудный ассортимент Петра Никаноровича в наивной надежде, что тот долго не задержится возле кассира, и направил тележку к кассе Марины. Та подавила вздох – лишения премии не избежать.

– А как вы поживаете? – стараясь прогнать грустные мысли и не глядя на подошедшего мужчину, поинтересовалась Марина.

– Прошло двадцать лет и восемьдесят четыре дня с того момента, как Эллен меня покинула, – покачал головой Петр Никанорович, – я ненавижу этот счет, Мариночка. Каждый день напоминает мне о том, что я выторговал время у судьбы. Выторговал, но не понятно, для чего. Я ведь ничего больше в своей жизни не совершил – не родил детей, не спас кому-то жизнь. Зачем было оставлять меня в живых? Чтобы я мучился?

– Возможно, вы и сами не знаете или не заметили, как сделали что-то хорошее? Или, возможно, еще сделаете, – наплевав на все, Марина успешно игнорировала взгляд мужика, уже успевшего оперативно выложить товар на ленту и начавшего в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, а также замаячившую у него за спиной холеную женщину, явно заскочившую в магазин на несколько минут, чтобы перехва-

тить какой-то презент.

– Мужчина, вы меня не пропустите? Мне только коробку конфет пробить, – хрустальным голосом поинтересовалась женщина, кивнув на внушительную коробку швейцарского шоколада, уже довольно продолжительное время томившуюся на полке и отпугивавшую местных жителей заоблачной ценой.

Мужик окинул ее оценивающим взглядом и молча кивнул. Женщина проскользнула мимо него и встала за спиной у Петра Никаноровича, крепко прижимая коробку к груди, словно готовая в любой момент отразить нападение. Марина грустно улыбнулась: попроси она мужика об аналогичном одолжении, наверняка в ответ услышала бы, что он торопится и пропустить никак не может.

– Нет-нет, Мариночка, ничего такого. – Старик тем временем не замечал происходящего вокруг и сгущающиеся над Мариной головой тучи.

Неспешно сложив продукты в потертую матерчатую сумку, с которой он всегда ходил за продуктами, пожилой мужчина дрожащей рукой начал искать в кошельке необходимую мелочь.

– Знаете, в юности я был убежденным атеистом, но вот теперь, когда конец все ближе, я начинаю верить в Божий промысел. Это Бог меня карает за мои грехи. Оставил в живых, чтобы я страдал и мучился ежедневно. А я слишком слаб и нерешителен, чтобы положить этому конец, – пожаловался

он, ища сочувствия и оправдания и не находя его, потому что чувство вины слишком глубоко укоренилось внутри. Пустило густые вековые корни, проникшие в душу и сердце и ставшие их неотъемлемой частью. Реши кто сейчас это чувство вырвать, ему пришлось бы убить старика.

– Петр Никанорович, ну не верю я в такое жестокое наказание! – решительно отмела его предположения Марина, игнорируя острые взгляды, которые посылали в ее адрес и мужчина, и женщина. – Вы что, серийный убийца?

– Нет, что вы, Мариночка, я за всю жизнь и мухи не обидел, в прямом смысле этого слова, – вздохнул Петр Никанорович, тихонько перебирая губами и считая вслух, собирая нужную для оплаты сумму, – но, знаете, не обязательно убивать кого-то, чтобы тяжело согрешить. Список грехов человеческих весьма разнообразен.

Выпустив из вида торопящихся покупателей, Марина задумчивым взглядом окинула давнего знакомца. Слова про грехи и вину были чем-то новеньким. Обычно Петр Никанорович ограничивался горестным отчетом срока своего одиночества, словно внезапно сошедший с ума метроном, забытый в парадном зале старого дома на покрывшемся пылью старом рояле. Немного посетовав на жизнь и не дожидаясь ее ответа, старик неизменно желал ей хорошего дня и брел дальше. Про то, что его терзает чувство вины, Марина услышала впервые и попыталась окинуть старика свежим взглядом. Что-то случилось?

Выглядел Петр Никанорович хуже обычного: совсем отошел, сгорбился, словно грехи тянули его к земле. Глаза покраснели и слезились. Марина почувствовала острый укол жалости.

– Ну знаете, если бы Бог всех наказывал за грехи, мы бы жили в прекрасном мире. А так не бывает, что бандиты живут счастливо и процветают, а человек, может быть, и совершивший какую ошибку, медленно умирает и ни в чем не находит радости. – Марина протянула руку и погладила обтрепанный обшлаг рукава стариковского пальто.

– Девушка, вы скоро? – с легким презрением и нетерпением в голосе поинтересовался мужик, обменявшись с холеной женщиной понимающими взглядами.

– Что бы ни произошло, – мягко продолжила Марина, игнорируя бестактную реплику и нетерпеливых покупателей и полностью сосредоточиваясь на Петре Никаноровиче. Похоже, сегодня бедолаге помощь была нужна больше, чем когда-либо, – я уверена, что ничего ужасного вы не сотворили.

– Вы просто ничего не знаете, Мариночка, просто ничего не знаете, – покачал головой старик, борясь со слезами. – Все эти двадцать лет и восемьдесят четыре дня я чувствую себя проклятым Агасфером, бредущим в одиночестве и не находящим покоя.

– Девушка, здесь, вообще-то, еще люди, – холеная женщина решила поддержать нагруженного мужчину.

– Я пойду, Мариночка, мешаю, – засуетился Петр Никанорович.

норович. Его руки дрожали сильнее обычного, и он не справился с монеткой, которую держал в руках. Та упала на ленту и с громким звоном покатила по металлическому покрытию. Марина автоматически протянула руку, схватила беглянку и протянула старику.

– Никому вы не мешаете, – громко заявила она и строго взглянула на нетерпеливую покупательницу. – Женщина, я обслуживаю клиента, подождите, пожалуйста.

– А что у вас с руками? – задыхнулась та, проигнорировав выпад Марины. – Вы что, больная? Где тут у вас администратор? Немедленно вызовите! Мало того что треплешься сидишь, так еще и заразу разносишь!

– Женщина, пожалуйста, не нужно мне хамить. Я ведь с вами на «ты» не переходила, – не выдержав, все-таки взорвалась Марина, уже понимая, что горько об этом пожалеет.

– Ох, Марина-Марина, подведет тебя этот дед под монастырь, – осуждающе покачала головой повар Зина, не забывая положить на поднос Марины вторую булочку к чаю. На обед та вышла раньше, выслушав разнос от Зои и объявление о том, что премии в этом месяце у нее не будет.

– Да ни причем тут дед, – буркнула Марина и кивнула Зине в знак благодарности. – Надоели эти фифы – хозяйки жизни. Две минуты подождать не могут. Ну что у нее слу-

чится-то за две минуты? Мир остановится? А для Петра Никаноровича это, может, единственная возможность поговорить с кем-нибудь!

– Да влюблен в тебя этот Никанорыч. Смелости хватило бы, так пришел бы с предложением, – это Танька, вечная пересмешница, хихикает. Не удержавшись, Марина улыбнулась, и дурное настроение испарилось. Взяв поднос и подмигнув Зине, она присоединилась за столиком к подруге.

– Глупости говоришь, – покачала она головой, – просто одинокий человек.

– Ну да, ну да, ты гляди, а то, может, еще раз замуж выйдешь, – снова хихикнула Татьяна, принимаясь с удовольствием наминать свежий суп, сваренный Зиной для сотрудников, – а то сейчас модно мужичков постарше в мужья брать.

– Был бы олигарх какой, так и за девяностолетнего не грех. – Это Нина кинула рядом с ними пачку сигарет и зажигалку, чтоб никто место не занял, а сама направилась к Зине за своей порцией. Столик, за которым обедали Марина и Таня, неизменно пользовался популярностью: здесь всегда было весело и душевно, поэтому и желающих отобедать с «девчатами», как ласково называли подружек-хохотушек сотрудники, всегда была масса.

– Ну нет, девяносто – это ты загнула, – сморщилась Танька, тихонько стреляя из пачки Нины сигарету. – Что с ним делать-то?

– Ничего не надо делать, и так хорошо! Помрет быстро, – захохотала Зина, и к ней присоединился весь обеденный зал, начинавший потихоньку наполняться людьми.

Плохое настроение улетучилось, как не бывало. Марина с аппетитом доела котлеты с вермишелью и оглянулась на Зину. Та кивнула, поняв подругу без слов. Каждый день она собирала для Марины небольшой тормозок из того, что осталось недоеденным, понимая, что подруге нужна помощь в еще одном благом деле.

– Да бросьте вы, девочки, – благодушно проворчала Марина, откидываясь на спинку стула и с удовольствием приступая к десерту – вишневому компоту и свежим булочкам, одну из которых она, впрочем, тут же завернула в салфетку и спрятала в карман униформы, – просто он одинокий человек, жаль мне его.

– Да мне тоже, – неожиданно поддержала подругу Таня, работавшая в мясном отделе и отвечающая Петру Никаноровичу одну куриную грудку раз в три дня. – Интеллигентный дядечка такой, вежливый всегда, пару раз даже приятные слова написал в книге нашей. Вот прям такой он... – Татьяна задумалась, ища подходящее слово, – из благородных, что ли. А ты знаешь, чем он вообще по жизни занимался?

– Понятия не имею, – пожалала плечами Марина, – но мне кажется, он был учителем. Речь грамотная, и голос хорошо поставлен.

– Эх, лучше б был актером каким, – пробасила с набитым

ртом Нина. – Что с того учителя взять? Пенсии копеечные.

– Да ничего я брать не собираюсь, – снова запротестовала Марина.

– Ну ты посмотри на нее, мужиками разбрасывается, – не удержавшись, Зина снова включилась в беседу, воспользовавшись краткой паузой между клиентами. – Такая уж наша бабья доля: после сорока только мумии и смотрят. Хотя тебе чего жаловаться, у тебя-то вообще-то муж есть.

– Ага, муж, – легко кивнула Марина соглашаясь, – объелся груш.

При мысли о муже стало тоскливо. Залпом допив компот, Марина кивнула подругам и, отказавшись от традиционной послеобеденной сигаретки, вернулась в зал, к покупателям.

– Зина-Зина, – покачала головой Таня, относя грязную посуду к мойке.

– Ну чё, Зина, виновата я, что она со своими мужиками разобраться не может? – буркнула повариха, ловким движением кладя порцию макарон на тарелку охранника Максима и отвечая на его тоскливый взгляд: – Добавки сегодня не будет!

– Так, стоп! – резко распорядился Борис и поднял руку вверх, прекращая игру. – Ты почему такая рассеянная? Вместо ответа Кира опустила голову.

– Иди сюда, – приказал тренер, – в таком настроении мы далеко не уедем. Что случилось? Выкладывай!

– Да ничего, Сергей Валентинович двойку вклеил. – Кира решила не юлить, зная, что Борис все равно добьется правды. Тот нахмурился. С самого начала у них с Кирой была договоренность: до первой серьезной победы на международном соревновании учеба не должна страдать от тенниса.

– Двойку? – кратко переспросил Борис, подталкивая Киру продолжить рассказ.

– Да, за то, что уснула на уроке. – Девочка отвела взгляд и уставилась на носки новеньких кроссовок, которые Борис без лишних объяснений презентовал ей сегодня утром, объяснив это рабочей необходимостью. Кира коротко сказала: «Спасибо» – и всю послеобеденную тренировку носилась как на крыльях, не замечая усталости (так ей казалось). Но ее заметил Борис.

– Кира, ты же в курсе, что у нас впереди национальный турнир?

Вместо ответа Кира кивнула.

– Я видел Аню на последнем матче, – без лишних сантиментов продолжил Борис, – на зимних каникулах она была во Франции в теннисной академии Муратоглу.

Кира быстро взглянула на тренера, и у того на секунду перехватило дыхание. Худенькая до синевы: наверняка не додает. Потертая футболка и растянутые штаны, под ними – костлявое тело. Синяки под глазами. Ее бы к доброй бабуш-

ке в деревню да на парное молоко и домашние пироги, может, хоть немного стала бы похожа на человека. Но бабушки в деревне у нее нет, а у матери нет средств на парное мясо и домашнее молоко. Поэтому то, что он собирается сейчас сказать, вдвойне жестоко, но выбора у него нет: на таких высотах спорт добрым и сочувствующим не бывает.

– Так вот, академия дала Ане очень многое, в частности возможность сыграть с сильными соперниками из другой системы. На своих она уже достаточно потренировалась, как и ты. Ты ведь в стране всех знаешь и всех успешно побеждала, включая Аню. Но она сейчас сильнее только потому, что смогла поиграть с иностранцами. Это то, чего тебе очень не хватает, Кира. Ты можешь быть гениальным игроком, но без сильных спарринг-партнеров далеко мы не уедем. На данный момент тебе в рамках страны просто некуда двигаться. Как и Ане, тебе нужно набить руку на иностранцах, это выведет тебя к чемпионату на нужный уровень. И в идеале лагерь тебе нужен уже на этих каникулах.

Он подошел к объемной сумке, оставшейся еще с прежних, чемпионских времен. Пожалуй, единственная вещь кроме ракетки и формы, которую он оставил из прошлой жизни: уж больно удобной она была. Фирменный красный цвет давно выцвел, а ткань на сумке порядком поистрепалась, как и его собственная жизнь, но Борис все не решался расстаться с верной подругой, прошедшей с ним столько испытаний. Собственно, других друзей-то у него и не было.

Из бокового кармана, который он расстегнул с большой осторожностью, Борис достал распечатку с информацией о лагере, в которой были указаны цены.

– Кира, – он попытался поймать взгляд девочки, – я понимаю, что сейчас речь идет о больших деньгах, но у нас наверняка есть люди, поддерживающие талантливых детей. Может, стоит обратиться в администрацию, в отдел спорта. Или же поговорить с отцом, возможно, он поддержит? Тебе очень нужен этот лагерь.

Борис протянул Кире распечатку, та, не глядя, чтобы не разрыдаться прямо при Борисе, свернула ее и засунула в боковой карман школьного рюкзака.

– Мы с мамой разберемся, – сдержанно, как взрослая, ответила она.

– На сегодня все, – немного подумав, заключил Борис. Девочка была истощена и измотана, уснула на уроке. Завтра он сам принесет на тренировку яблоки и гранаты, пусть хотя бы немного восполнит недостаток сил и витаминов.

– Придешь домой – поспи, это приказ тренера, – сурово распорядился он. – Жду тебя завтра в обычное время.

– Хорошо, – кивнула Кира.

Пожав ему руку и накинув куртку прямо на спортивную форму, она направилась к выходу из спортзала, на ходу набирая номер матери.

– Мамочка? Я уже закончила, ты дома? Хорошо, я тебя встречу на остановке, помогу с пакетами.

Антон, по обыкновению, ждал их возле дома. Перетаптываясь с ноги на ногу и держа в руках огромный бумажный сверток. Первой он увидел Киру и, приветливо махнув, поторопился ей навстречу. Марина автоматически отметила, что муж довольно неплохо выглядит: бодрый, подтянутый, веселый, с румянцем во всю щеку, который был не в силах скрыть даже тусклый свет фонарей, тщетно пытавшихся разогнать темноту. В нем Антон выглядел лет на десять моложе, и Марина с трудом подавила горестный вздох: время благоволит мужикам. Ведь она сама даже в крошечной тьме не тянет на двадцать пять, а вот Антон – вполне. Вот что значит человек нашел свое призвание и цель в жизни. В отличие от нее, пустившей свою судьбу под откос.

– Кируся! Как дела? – Антон быстро подошел к дочери и клюнул ее в щеку, одновременно протягивая увесистую поклажу. – Это тебе, доченька, вот, гостинцев принес. Тебе витаминки нужны, поешь.

– Спасибо, папа. – После недолгого колебания Кира все-таки взяла пакет, предварительно бросив быстрый взгляд на мать и заметив ее едва заметный кивок.

– Мариша, ты все тащишь и тащишь, давай помогу! – В любой ситуации Антон оставался джентльменом, за это она его, наверное, и полюбила в свое время.

Ей, выросшей в рабочем районе, где мужчины были не приучены открывать перед женщинами двери, пропускать их вперед, дарить цветы без повода и брать на себя часть их ноши, Антон показался чем-то сродни английского принца. И после свадьбы он ничуть не изменился. Так и оставался хорошим, милым чудачком.

– Антон, ты зайдешь? Чаю попить, – автоматически предложила Марина.

– Мариша, – привычно запротестовал муж в ответ. Но Марина уже нашла необходимые слова:

– Антош, надо хоть раз в день нормально поесть, не дело это – без горячего. Я твои взгляды уважаю, поэтому принесла тебе то, что у девочек в столовой оставалось. Все равно на выброс собирались отдать, а так всем хорошо.

Кодовая фраза «на выброс» оказала магическое воздействие на Антона. Расправив и без того прямые плечи и проведя рукой по коротким волосам, он по-военному быстро кивнул и затрусил к подъезду. Марина посмотрела на загрузившую дочь и ласково потрепала ее по плечу, прочитав нехитрые Кирины мысли. Та мрачно зыркнула на мать, но Марина ей улыбнулась и пожала плечами, призывая дочь не сердиться. Родителей не выбирают.

Спустя двадцать минут вся семья собралась на миниатюрной кухне, где Марина принялась раскладывала еду по тарелкам, предварительно ее разогрев. Антон еще раз сурово осведомился, точно ли то, что ему предлагают, должно было

сегодня отправиться на помойку, и, получив утвердительный ответ, с удовольствием принялся за горячий ужин.

Кира молча последовала его примеру, но спустя пару минут Антон засуетился и, достав из кармана выдавший виды телефон, включил на нем допотопную камеру и принялся снимать содержимое тарелки. Затем протянул телефон жене.

– А нуними, как я ем.

Жизнь с Антоном научила ее не задавать лишних вопросов, чтобы избежать дополнительных травм. Марина принялась покорно снимать, как муж показательно ест на камеру. Спустя несколько минут он сделал ей знак прекратить съемку и вернуть телефон.

– Кстати, Марин, ты умница, такую тему подала. Я ведь про общепиты еще ничего не говорил, – сообщил он жене, засовывая телефон в карман потертых брюк и тщательно подъедая остатки на тарелке. – Сколько же всего там пропадает! И, насколько я знаю, остатки запрещают передавать нуждающимся. Интересно, почему? Мне стоит поднять эту тему!

– Папа, мне нужно поехать в теннисный лагерь во Францию, – тихо сообщила Кира, аккуратно заканчивая свою порцию и ставя тарелку в мойку. Обернувшись, она уставилась на отца, ожидая ответа. Тот сделал вид, что не услышал ее реплику.

– Господи, да мы же можем устроить пикет под администрацией и потребовать, чтобы все эти ваши супермарке-

ты, столовые, рестораны и проклятые кулинарии обязали отдавать излишки нуждающимся! Это же преступление против человечества – выбрасывать столько всего на помойку! – продолжил разглагольствовать Антон.

– Папа, – Кира повысила голос, прерывая поток отцовского красноречия, – мне очень нужно поехать в этот лагерь до того, как я буду играть национальное первенство. Без него у меня нет шансов.

Делать вид, что он не расслышал, больше не представлялось возможным. Антон откашлялся и отвел глаза куда-то к окну, словно пытаясь рассмотреть за ним ответ на неудобный вопрос.

– Дочь, через пять лет наша планета пройдет точку невозврата, – после затянувшейся паузы сообщил он, – о чем ты вообще думаешь?

– Я думаю о том, что мне нужно выиграть национальный турнир. Если мне повезет, то после выигрыша мне дадут вайлд-кард на какой-нибудь крупный международный турнир. И если я там проявлю себя, то наконец-то смогу начать зарабатывать деньги. Часть из которых я отдам на благотворительность.

Марина с трудом сдержала улыбку гордости. Она отвернулась, чтобы Антон ничего не заметил и не догадался, что им пытаются манипулировать. Ее дочь так быстро и незаметно повзрослела и до стольких вещей дошла самостоятельно, что она и ахнуть не успела. Поняла, какой единственно верный

аргумент она может использовать, чтобы убедить отца.

– Но до этого ты сделаешь несколько дыр в атмосфере, загрязнишь ее ездой на автомобилях и поеданием всего того шлака, который вам дают спонсоры, и тем самым поощришь этих преступников-рекламодателей, провоцирующих мир на избыточное потребление! – визгливо возразил Антон.

– Папа, я могу поехать на перекладных, а по пути питаться тем, что ты для меня раздобудешь, – тут же нанесла ответный удар Кира, и Марина снова отвернулась, чтобы громко не рассмеяться.

Антон, вопреки обыкновению, тоже заметил издевку в словах дочери.

– Ну знаешь ли, – забормотал он, выскакивая из-за стола, аккуратно складывая салфетку, предложенную ему Мариной, и пряча ее в карман. Спустя минуту хлопнула входная дверь, а мать и дочь переглянулись, в очередной раз молча вспоминая, почему теперь они не живут с Антоном.

Не говоря ни слова, Кира вышла вслед за отцом в коридор, а затем вернулась с преподнесенным им пакетом. Распаковала, задержав дыхание, и, открыв мусорное ведро, выбросила не глядя все содержимое. Немного подумав, запихнула в ведро и сам пакет. Марина, подойдя к дочери и немного отодвинув ее в сторону, достала с небольшой полочки, где хранила чистящие средства, очиститель на основе хлора, открыла мусорное ведро и щедро залила подарок мужа. Затем ловко закрыла мусорный мешок, вышла из квартиры и от-

правила его в мусоропровод, чудом уцелевший в их доме.

Вернувшись и тщательно вымыв руки, Марина перевела взгляд на дочь, потупившую взгляд.

– Рассказывай.

Вздохнув, Кира принесла матери распечатку, которую передал ей Борис. Та перечитала ее несколько раз, прежде чем подняла глаза на дочь.

– Мам, я могу и не ехать. Ты же знаешь, я до финала дойду скорее всего и так, просто в финале Аня, а она была в этом лагере на зимних каникулах... – начала оправдываться Кира, а Марина подняла руку, останавливая поток красноречия дочери.

– Ничего, доченька, я что-нибудь обязательно придумаю. Надо – значит, надо. Найдем деньги. Я кое-что откладывала на твой день рождения, если что займу, на работе поговорю, – храбро затараторила Марина, тщательно следя за тем, чтобы в голосе не проскользнула нотка отчаяния.

Она перевела взгляд на карту желаний, которую они с дочерью смастерили под новый год и повесили на кухне, регулярно пополняя ее понравившимися картинками из журналов. Недолго думая, прикрепила к ней информацию, переданную Борисом. Конечно, она не была столь наивна, чтобы верить, будто бумажка на стене поможет Кирусе отправиться во французский лагерь, но помешать она точно не помешает.

Стараясь не выдать собственной растерянности и замешательства, Марина коротко попросила дочь:

– Поставь чайник, Кируся.

– Мама, а что у тебя с руками? – Широко раскрытыми глазами дочь уставилась на материнские руки, которые из-за тусклого света лампы не сразу бросились ей в глаза. Выглядели они и правда неважно: красные, опухшие, покрытые странной сыпью вперемешку с созревшими волдырями. Марина мысленно чертыхнулась – зачем выставила на обзор?

– Ничего, это тетя Валя мне новый крем подогнала, – сочинила она на ходу, – а мне он явно не подошел, теперь вот аллергическая реакция. Но пара дней, и все будет в порядке, не переживай.

– Правда? – усомнилась Кира.

– Правда, – бодро соврала Марина, борясь с желанием почесать распухшие руки и опустить их в лед. Потом, когда Кира уснет.

– А теперь своими словами, что это за лагерь такой? – потребовала она.

– Он принадлежит Патрику Муратоглу. – Успокоенная материнским враньем, Кира быстрыми привычными движениями заварил чай и принялась разливать его по чашкам. Марина тем временем пристроилась на своем любимом месте возле холодильника.

– Что за зверь такой? – хихикнула Марина. Несмотря на внезапно обрушившееся на голову известие, которое, несомненно, влекло за собой новые хлопоты, хорошее настроение возвращалось. В этом была вся Марина, неспособная

грустить дольше десяти минут.

– Это не зверь, – улыбнулась дочь, расслабляясь и успокаиваясь: мама в хорошем настроении, значит, непременно что-нибудь придумает. – Это тренер Серены Уильямс.

Ночь она, ожидаемо, провела без сна, чувствуя себя единорогом на эмоциональной радуге. Разнообразные оттенки чувств и эмоций сменяли друг друга, заставляя то плакать, то смеяться, то корить себя, то подбадривать. Из ямы отчаяния она вдруг взлетала на вершины оптимизма, пыталась себя успокоить и мыслить трезво, но не получалось. Проворочавшись до полуночи на диване, внезапно ставшим жестким и неудобным, Марина тихонько вышла из комнаты и отправилась на кухню. Тщательно притворив за собой дверь, она достала из заначки спички и сигареты, а из холодильника банку— варенья. Включила чайник и, заварив крепкий чай, принялась размышлять.

Ей нужно четыре с половиной тысячи евро, чтобы отправить Киру в лагерь на две недели. Да, у нее есть жалкие сбережения. Валентина наверняка займет еще несколько сотен. Антона надо будет потрясти основательнее. Принципы принципами, но на кону будущее дочери. По подружкам можно будет стрельнуть, но этого все равно не хватит. Где и как она может заработать? На панель ее явно не возьмут – Марина

хихикнула от одной мысли. В тридцать пять лет она ощущала себя полностью вышедшей в тираж.

Она взглянула в окно, которое сгустившаяся на улице тьма превратила в зеркало. Оттуда на нее смотрела симпатичная худенькая блондинка средних лет. Распушенные на ночь светлые пушистые волосы, добрые грустные глаза – окно не отражало их цвет – светло-серый. Тонкий нос и красиво очерченные губы. Из-за усталости и недоедания щеки давно впали и очертили высокие скулы. Марина критически осмотрела собственное отражение. Нет, безусловно, есть разные извращения, но на них она и сама не согласится. Должен же быть какой-то другой способ для честной женщины заработать несколько тысяч евро?

Кредит она брать боялась: отдавать вместе с долгами подругам будет просто не из чего. Зарплата кассира в супермаркете и то, что она зарабатывала уборкой, практически полностью уходили на их скромные повседневные нужды и оплату турниров, которые регулярно играла Кира. До определенного времени теннис – это только расходы.

На гонорары дочери пока что рассчитывать не приходилось. За редким исключением юниоры ничего не зарабатывают, деньги начинают приходить, лишь когда игрок оказывается в первых двух сотнях. Но Кира ни за что в жизни туда не попадет, если не будет тренироваться на международном уровне.

Собственно, выхода у нее было два. Просить Ксению и

Глеба об увеличении объема работ и, соответственно, зарплаты и сделать все возможное, чтобы ей выплатили эту повышенную зарплату авансом. В конце концов, она у них работает уже много лет, наверняка они ей доверяют и не откажут.

А второй – это посыпать голову пеплом, поговорить с Зоей и пообещать ей больше никогда не разговаривать с клиентами. Марине тут же стало грустно: почему из-за ее неспособности заработать деньги должен страдать несчастный старик? Марина попыталась прогнать эти мысли. Ей пора, наконец, подумать о себе и перестать жалеть всех на свете.

К четырем утра банка варенья опустела, от количества выкуренных сигарет мутилось в глазах и голове, но мышление было на удивление ясным и четким. Возможно, помог адреналин. Она знала, что нужно делать.

Отварив рис, закутав его и оставив под подушкой, она быстро приняла душ, подкрасилась и отправилась в Приусадебное на первом же автобусе.

Заспанная экономка шепотом сообщила ей, что хозяйева еще спят, но они с Мариной могут выпить кофе в тишине и спокойствии и немного поболтать. Марина чуть было не поддалась соблазну, тем более что сегодня она осталась без традиционной чашки кофе (так и не пополнила запасы), но сумела совладать с собственными желаниями и, перемотав зудящие и опухшие руки эластичным бинтом и натянув сверху две пары перчаток, принялась за уборку новыми средствами.

К моменту, когда Ксения спустилась вниз, все сияло от чистоты. Хозяйка не ошиблась: новые средства действительно давали чудодейственный эффект, плохо было лишь то, что Марина с трудом дышала и ощущала, как руки раздулись еще больше, и ей казалось, что с них в режиме реального времени слезает кожа. Но хозяйке ни в коем случае не стоило об этом говорить, тем более в свете всего происходящего.

– Марина, вы сегодня так рано? – тихо прошелестела удивленная Ксения, запахивая эфемерный халатик, подчеркивающий бесконечные стройные ноги, и тщательно принимаясь к запаху после уборки.

Реклама не соврала – средства почти не пахли, но проветрить все равно не помешает. Она немного подумала, не открыть ли ей окно прямо сейчас, но толком еще не проснувшийся мозг отчаянно сопротивлялся. Ей хотелось побыть в тепле и одиночестве: Глеб снова поздно лег и храпел немилосердно, она не выспалась! Все, что ей нужно, – это чашка кофе и лента со сплетнями о светской жизни. Принесла ж нелегкая эту Марину с утра пораньше. Ксения с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться, но Марина словно прочитала ее мысли и заторопилась:

– Ксения Львовна, вы извините, если беспокою, я просто хотела узнать, может быть, я могла бы делать еще какую-то работу для вас? Все, что вы скажете. Могу приезжать пораньше и готовить. Сейчас весна, может, в саду что-нибудь сделаю? У меня с растениями хорошо получается, – забормо-

тала Марина, злясь на саму себя. Сегодня ночью она составила убедительную, как ей казалось, речь, даже написала ее на бумажке и попыталась выучить по пути на работу, но измученный терзаниями мозг просто отказался слушаться, и вместо стройных логичных фраз в голове образовалась жуткая каша.

– Вам что, нужны деньги? – слегка поморщилась Ксения, прерывая поток красноречия. Хорошенькая головка начинала болеть, и хотелось, чтобы прислуга убралась с глаз долой. Вот же ж настырная и нечуткая какая! Неужели не видит, как ей плохо?

– Да, нужны, – просто кивнула Марина и уставилась на хозяйку, невольно любуясь ее красотой.

Наверное, они ровесницы, но Ксения на порядок роскошнее и холенее. Ну до чего же хороша – загляденье! Хоть сейчас на обложку журнала. Марина не испытывала ни малейшей зависти и была уверена, что у Ксении наверняка тоже есть собственные проблемы, ведь идеальной жизни не существует. Но она не могла отказать себе в желании полюбоваться такой красотой, как произведением искусства. Хотя дышать ей становилось все труднее. Как и Ксении, ей хотелось вырваться на свежий воздух и глубоко вдохнуть, чтобы немного проветрить легкие.

– И на что же они вам нужны? – не удержалась Ксения. Интересно, какие мечты и желания могут быть у прислуги? Купить в кредит недорогую иномарку? Взять ипотеку? Нет,

скорее всего, поехать в Турцию.

– Мне нужно отправить дочь в дорогой спортивный лагерь, – бесхитростно призналась Марина.

– Спортивный лагерь? – Ксения наконец-то проснулась. Она ожидала услышать что угодно, но только не это. – Ваша дочь, что, спортом занимается?

– Да, – кивнула Марина и улыбнулась, – теннисом. Она сейчас первая юниорская ракетка страны.

Ксения открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и застыла, переваривая услышанное. Дочь поломойки первая ракетка страны? Да быть того не может, откуда у нее деньги? Марина продолжала улыбаться, глядя на нее, и Ксения поняла, что выглядит нелепо. Прикрыв рот, она нерешительно кивнула и после недолгого раздумья предложила:

– Хорошо, я думаю, вы могли бы и на втором этаже чистить туалеты и ванны.

В последнее время она была не очень довольна тем, как ее горничная справлялась с работой, а эту Марину можно будет заставить чистить сантехнику зубной щеткой хоть каждый день.

Вчера она допоздна смотрела британское шоу, в котором одна любительница чистоты именно так поступала со своим унитазом и даже лично облизнула его на камеру в конце чистки, доказывая, что ни один микроб не выжил после хлорки и зубной щетки. Вначале это вызвало чувство гадливости, а потом восхищения: какая же, должно быть, у этой

сумасшедшей атмосфера чистоты!

Сама Ксения, может, и хотела бы, но просто не могла себе позволить сутками убирать и начищать фаянс, ведь надо было беречь руки и вообще соответствовать тому обществу, в котором они с Глебом вращались. А в нем хозяйки понятия не имеют, как зовут прислугу, чистящую унитаза. Но Ксения, помешанная на контроле, втайне от подруг держала весь процесс под неусыпным надзором. Сама отбирала персонал, сама закупала средства, задавала требования и контролировала результат. Такие вещи, как чистота и стерильность, нельзя пускать на самотек.

– Спасибо вам огромное, Ксения Львовна, – расцвела Марина, с трудом удерживаясь от того, чтобы кинуться на шею работодательнице и расцеловать ее, – вы не пожалеете!

– Надеюсь, – царственно кивнула та, снова вспоминая о чашке кофе, – приходите завтра в это же время, я выдам вам новые средства и инструменты. Первая неделя будет испытательной. Я посмотрю, как вы справляетесь.

– Хорошо, – снова просияла Марина. От радости цепкие лапки аллергии немного ослабли, и стало возможно нормально дышать.

Ксения снова кивнула, давая понять, что разговор окончен, и поплыла по воздуху на идеально чистую кухню, чтобы наполнить чашку тонкого фарфора ароматной арабикой.

– Ксения Львовна, и еще, – робко пробормотала ей вслед Марина, а Ксения почувствовала, как в висок застучали тон-

кие молоточки. Нет, все эти домашние хлопоты определенно подорвут ее здоровье!

– Да? – пытаюсь звучать безукоризненно вежливо (где-то она услышала, что класс человека определяется именно по тому, как он общается с прислугой), она повернулась к Марине и нетерпеливо уставилась на нее, посылая мысленные сигналы ускориться.

– После испытательного срока – если я его пройду, разумеется – вы не могли бы выплатить мне авансом зарплату за несколько месяцев? Мне очень нужно, – забормотала Марина, немедленно смутившись. Она так и не научилась просить деньги, даже если они были законно ею заработаны.

– Авансом? – от удивления Ксения переспросила нормальным голосом, в котором послышались скрипучие нотки.

– Да, мне очень нужно, этот лагерь – он будет уже в следующем месяце, и Кирусе надо в него попасть до национального первенства.

– Знаете, Марина, – Ксения дернула головой и зябко пожала плечами, – теннис – это очень дорогой вид спорта, на одних авансах вы долго не протянете.

– Я знаю, просто сейчас это исключительный случай, – Марине вдруг стало очень неприятно и захотелось прекратить разговор, хотя ничего такого Ксения и не сказала. Теннис действительно был дорогим видом спорта, это чистая правда. Но почему же она настолько неприятна?

– Я посмотрю, что можно сделать, – подытожила Ксения,

приходя в себя и снова переходя на полупшепот. Повернувшись к Марине спиной, она явственно дала понять, что теперь разговор точно окончен.

Стараясь не дышать и не производить лишний шум, Марина тихонько попятилась к выходу. Уже возле входной двери вспомнила, что так и не сняла перчатки, в которых мыла пол. Беспомощно покрутила головой в поисках ножниц или любого острого предмета, который помог бы ей избавиться от сдавившей руки резины.

– Я же говорила, что у нее голос противный. – Галина беззвучно появилась у Марины из-за плеча и протянула ножницы. Наверняка подслушивала, но Марине было все равно. Впервые в жизни она согласилась с Галиной в оценке хозяйки.

Взяв ножницы, Марина попыталась поддеть упругую желтую резину, но пальцы не слушались.

– Давай, помогу, – засуетилась Галина, а Марина внезапно испугалась, что экономка может увидеть ее руки. Вдруг она тоже решит, что она заразна, и нажалуется хозяйке? Тогда та и на пушечный выстрел не подпустит ее к своим драгоценным унитазам на втором этаже. Вспомнив о том, что ей назначен испытательный срок, Марина с трудом сдержала смех. Очень ответственная работа, однако, мало кто справится.

– Да нет, спасибо, не стоит, я сама, – забормотала она, но экономка, не слушая возражений, ловко поддела край перча-

ток, сделала надрез и парой ловких движений избавила Марину от резиновых пут. Уставилась на эластичные бинты.

– Это что такое? – почему-то перешла она на шепот, со страхом оглядываясь на двери, что вели в кухню и столовую. Оттуда раздавалось мирное журчание кофе машины. Хозяйка делала уже вторую чашку, голова болела, сейчас будет минимум час сидеть на декоративном диванчике в зимнем саду, рассматривать журналы с последними модными коллекциями и читать сайты со сплетнями.

– Да руки что-то разболелись, к врачу надо, может, артрит, – отчаянно соврала Марина и покраснела. Нет, она не была святой, но врать не любила. Это всегда заставляло ее чувствовать себя неловко, казалось, что все окружающие догадываются, о чем она врет. А врать в последнее время ей приходилось непозволительно часто.

Галина тем временем, не слушая слабые возражения Марины, ловко разбинтовала ее опухшие руки (местами бинты промокли и успели присохнуть к ранам, причиняя боль) и уставилась на кровавое месиво, в которое те превратились. Марина сглотнула при виде собственных рук: она и не подозревала, что дело настолько плохо.

– Матерь Божья, – не сдержавшись, ахнула Галина, – это же те дурацкие новые средства, да? Что она тебе дала?

– Ну, я не знаю, я не уверена, вообще мне надо к врачу. – Марина попыталась изъять у Галины бинты, но та сделала шаг назад.

– Ты что, без рук остаться хочешь? – повысив голос, но стараясь говорить шепотом, прошипела она. – Или вообще отравиться? Нимфа наша с ума сошла со своей чистотой, сидела бы в барокамере – там микробов нет, что ж она с людьми творит-то? Ты ей скажи, что больше с этим работать не будешь. Угроишь себя.

– Буду, Галя, буду. – Вздохнув, Марина сделала шаг по направлению к экономке и, забрав у нее бинты, бестолково запихнула их в сумку. – Завтра я приеду в это же время. Хозяйка дала мне возможность чистить ее личные туалеты.

Кофе в тишине попить так и не удалось. Глеб спустился через десять минут после ухода надоедливой прислуги. Ксения только-только прикрыла глаза, цедя сквозь мелкие жемчужные зубки длинный глоток, как супруг вошел в зимний сад, решительно направился к ней, чтобы поцеловать, но в последний момент сменил траекторию, взял с низкого кованого столика свежий журнал (кто в наше время вообще читает журналы?) и присел в кресло напротив жены.

Опустив крошечную изящную чашечку костяного фарфора, Ксения подняла глаза на Глеба и стала похожа на обиженного олененка Бэмби. В последнее время между ними было все больше недосказанности. Все чаще он оставался ночевать на диване в кабинете (чтобы не беспокоить храпом, но

она-то все понимала), все сильнее хмурился, получая ежемесячные счета.

– Ксюша. – Прокашлявшись и нервно листнув пару до зевоты скучных страниц делового еженедельника, Глеб отложил журнал в сторону и устался на жену. Сейчас или никогда.

– Да? – прошелестела Ксения, отставляя в сторону чашку и кладя ногу на ногу, не давая ему сосредоточиться.

– Что это за запах? – Глеб нервно дернул носом и ослабил галстук.

Значит, с самого начала ему не показалось. Аромат растений, зимующих в теплице, перебивал мерзостный смрад, в котором он распознал хлорку и еще какую-то дрянь. Именно он помешал поцеловать жену. Ему показалось, что запах исходит от нее самой.

В последнее время Ксюша просто помешалась на чистоте, заставляя бедных работниц вычищать все до блеска. Доктора говорили, что это часть ее болезни – полного неприятия себя. Вначале была булимия, от которой он ее вылечил. Затем депрессия: Ксюша, весившая сорок восемь килограмм, казалась себе чудовищно толстой, била зеркала и в незадавшейся модельной карьере винила лишний вес. Доктора не справились, пришлось положить ее в клинику. После курса лечения она на некоторое время пришла в себя, впрочем, все так же замещая почти все приемы пищи чашкой кофе, но немного повеселела, и у нее появились другие интересы

кроме пищевого дневника.

Ксюша полюбила чистоту. Причем полюбила ее с такой силой и страстью, что ей становилось физически плохо, стоило заметить хотя бы небольшое пятнышко на идеально чистой поверхности или почувствовать посторонний запах. Дом наводнил штат домработниц, но и сама Ксюша тайком, когда она думала, что ее никто не видит, щедро заливала термоядерными средствами все, до чего могла дотянуться, а затем с упоением терла, скребла, скоблила. Он подозревал, что жена и себя моет с дезинфекторами и с удовольствием вымыла бы его, если бы он только позволил. Каждый раз, стоило ему войти в спальню, она робко интересовалась, принимал ли он душ, хотя это было очевидно – каждый вечер он мыл голову и ложился спать с влажными волосами. Вскоре Глеб понял, что жену смущает даже запах чистого тела, и своими наводящими вопросами она дает понять, что просто не принимает его, боится бактерий, которые он переносит, считает недостаточно чистым.

Так как мыться хлоросодержащими препаратами он напрочь отказывался и с трудом сдерживался, чтобы снова не отправить жену на прием к очередному специалисту, то ему приходилось все чаще ночевать в кабинете, где жена не могла учуять его запах.

Ксюша в ответ на столь радикальные меры начала грустить и чахнуть. Это был замкнутый круг, который надо было разорвать, только вот Глеб не знал, с чего начать и как это

сделать без помощи психиатров.

Хотя жена сейчас была не основной его проблемой. Намного больше его смущали потери собственного бизнеса. Вот уже пятнадцать лет компания Глеба занималась строительством жилья. Они строили много и активно, но в их портфолио не было монструозных многоэтажек с крошечными коморками, больше смахивающими на пчелиные соты, чем на место, пригодное для жизни. Нет, Глеб Петрович был эстетом до мозга костей и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на такую халтуру.

Его компания «ГП» специализировалась на строительстве «художественной» недвижимости – элитных клубных домов, которые сочетали в себе современную функциональность и красоту эпохи ренессанса. Они выкладывали мозаикой панно в парадных, выковывали вручную перила, выстилали площадки между этажами лучшими образцами метлаха, а сами квартиры были настоящим произведением искусства. В изразцовых печах прятались современные духовые шкафы, изящная лепнина высоких потолков напоминала старинные дома Петербурга, а огромные залы с наборным паркетом словно приглашали устроить настоящий бал.

Вначале желающих было много. «Дома от ГП» стали настоящим трендом, на квартиры выстраивались целые очереди, а места в списке ожидания выкупались за несусветные деньги. Но мировой кризис и архитектурные тенденции внесли свои коррективы. Наигравшись, состоятельные

люди переметнулись к лаконичному современному дизайну: функциональному, не предполагающему красоты.

А Глеб не смог перестроиться, потому что ему на глубинном уровне претил подобный подход. К своему огромному сожалению, он унаследовал от отца умение видеть и чувствовать красоту и просто физически не мог заставить себя строить безликие недорогие муравейники. Глеб был уверен, что стоит ему поступиться своими принципами ради денег – он перестанет получать удовольствие от работы. А отец всегда говорил, что человек должен заниматься только тем, от чего получает настоящее удовольствие, и тогда ему будет сопутствовать успех. Конечно же, он ошибался, но успел прошить эту установку на молекулярном уровне Глеба. Наверное, поэтому Глеб и выпал из обоймы удачливых застройщиков.

Вчера ему отказали в очередном кредите, и сегодняшней счет за новые чистящие средства, щедро закупленные Ксюшей, на который он еще год назад и внимания бы не обратил, привел его в бешенство.

– Запах? – удивленно переспросила Ксения, не имеющая ни малейшего понятия о сложностях мужа и том, что на самом деле происходит в его жизни. Она была женщиной-трофеем, женщиной-украшением, а не боевой подругой, с которой делишь горести и невзгоды.

– Странно, – она повела изящным переделанным носиком и стала похожа на маленького милого кролика, которого так и хочется потискать и прижать к себе покрепче, оградив от

новостей о грядущем банкротстве, – я ничего не чувствую. Наоборот, я сейчас закупила средства, которые не дают никакого запаха.

Глеб протянул руку, бесцеремонно взяв чашку жены с остатками кофе, и выпил ее одним махом.

– Ксюша, – продолжил он, возвращая чашку на место и поднимая глаза на жену. Та впервые заметила, что муж осунулся, похудел, под серыми глазами залегли такие же серые тени, а в темно-русых коротко стриженных волосах показалась первая седина.

– Да, Глебушка, пока не забыла. – Ксюша, обладавшая звериным чутьем, почувствовала неладное и залопотала, не давая мужу возможность обрушить на нее бомбу: – Наша... э-э-э... помощница Марина попросила дополнительную работу. У нее дочка играет в теннис, представляешь? Ха-ха, кто бы мог подумать. Так вот, Марине очень нужны деньги для какого-то там лагеря, она наивно думает, что дочка и дальше сможет играть в теннис на ее зарплату. Но это ее дело, конечно, она спросила, а я подумала предложить ей мыть наши ванны и туалеты на втором этаже, что скажешь? Разумеется, если она пройдет испытательный срок.

– Испытательный срок для мытья туалетов? – ошарашенно переспросил Глеб, глядя на жену. Та, похоже, совсем оторвалась от реальности.

– Да, – радостно подтвердила Ксения. – Так что скажешь?

– Скажу, что это не очень хорошая идея. – Откашлявшись,

Глеб взял себя в руки и уставился сквозь идеально вымытое окно зимнего сада на улицу, где снова зарядил дождь. – Я боюсь, что...

И как в безыскусной мелодраме, зазвонивший телефон не дал ему закончить начатое предложение. По всем законам жанра известие, которое ему сейчас сообщат, было призвано изменить ход событий.

– Я слушаю, – ответил Глеб неизвестному абоненту, хотя в последнее время звонки с незнакомых номеров он игнорировал, но сейчас он был рад образовавшейся передышке. – Да, это я.

Он встал, сделал шаг в сторону и взялся за спинку кованого стула, словно предчувствуя, что земля может уйти из-под ног.

– Что? – только и сумел прошептать он в ответ на известие, сообщенное ему незнакомым казенным голосом.

Просьба о повышении и эмоциональный разговор с Галиной оставили неприятный осадок, но Марина умудрилась и в нем отыскать что-то хорошее. Уровень адреналина зашкаливал, собственный запас негативных эмоций на сегодняшний день был израсходован, поэтому предстоящий разговор с Зоей был не так страшен.

В автобусе Марина щедрым слоем нанесла на зудящие ру-

ки чудо-крем, который дала ей Валентина. Все-таки вчера он ей помог. К утру отек спал, да и волдыри скукожились, вместо того чтобы надуться и лопнуть. Правда сейчас они снова воспряли духом и выглядели гаже некуда, но Марина все же надеялась, что крем ей поможет. Отыскав в сумке пару тонких перчаток, она натянула их на руки, надеясь, что так крем лучше впитается. Зуд утих, боль отступила, и ей даже удалось немного подремать в теплом автобусе под звук морозящего дождя. Поэтому к супермаркету Марина подходила уже в отличном расположении духа.

Зоя была на рабочем месте, суровая и неприступная, но перед ней не было необходимости юлить или унижаться, как перед Ксенией Львовной. И ее Марина не боялась. Ведь с Зоей они были в одной лодке: две неудачницы, просто одной из них удалось занять место в тонущей лодке немного повыше. Поэтому о своих нехитрых бедах и печалях она поведала начальнице неспешно и даже с юмором, закончив свой рассказ просьбой о повышении.

– Старшим кассиром? – недоверчиво переспросила Зоя, выслушав Марину.

– Да, если можно, – кивнула та. – Мне кажется, я готова. Я ведь здесь дольше всех работаю, все знаю, людей люблю.

– Да ты давно готова, Марина, – неожиданно очень по-человечески вздохнула начальница, – вот только твоя доброта и болтливость не дают тебе двигаться дальше. Ну ты посмотри, кого у нас подняли? Таньку? Да ведь она тупая как проб-

ка. – Лицо Зои скривилось.

С Татьяной они по непонятным причинам друг друга ненавидели, и решение о переводе той в старшие продавцы далось Зое нелегко. Но начальство свыше постоянно требовало обучать новый персонал (по весне сотрудники все чаще уходили из супермаркета в поисках других, более перспективных мест, и требовались люди, которые могли бы обучать новичков), а кроме Татьяны повышать было некого: все остальные не задерживались здесь больше года.

– Зочка, – мягко прервала ее Марина, не желая выслушивать жалобы на подругу. Зоя тут же заворчала:

– Да знаю, знаю, что ты с ней дружишь. Только ты, наверное, и можешь дружить с этой стервой. В любом случае, ты же понимаешь, что если я переведу тебя в старшие, то болтать у тебя ни с кем не получится, даже с твоим кавалером, – топорно попыталась пошутить Зоя, но Марина не сразу поняла, что это шутка.

– Он не... – начала было возмущаться она, но Зоя ее перебила, махнув рукой.

– Да знаю, знаю, хотя он тобой интересовался, даже спрашивал у меня твое полное имя-отчество и дату рождения, – подмигнула Зоя. – Наверное, хотел узнать, не старовата ли ты для него.

– Ты шутишь? – обалдела Марина и почувствовала смутное беспокойство. – Зачем Петру Никаноровичу эта информация? – Но додумать не успела: Зоя, уже забывшая о ста-

рике, деловито продолжала:

– Сделаю тебя старшей хоть сегодня. У нас два стажера, еще тупее Таньки, у меня на них нервов не хватает...

– Зюечка! – Марина чуть не захлебнулась от счастья и в порыве чувств обняла начальницу. Та, явно не привычная к публичным проявлениям нежности, да и вообще к нежности, одеревенела, неестественно выгнулась, а затем покровительственно похлопала Марину по спине.

– Никакой болтовни, – снова предупредила она, пытаясь выглядеть суровой, но затем все-таки не выдержала и крепко обняла Марину в ответ.

Объятия были нужны ей самой, ведь ее так давно никто не обнимал. Смутившись от собственного эмоционального порыва, Зоя так же быстро отпрянула, снова став сухой и неприступной. Пообещала, что отдаст приказ о переводе, рассказала об испытательном сроке и пообещала внимательно приглядывать за Мариной, чтобы ту снова не погубили доброта и болтливость.

После эмоционального объяснения с начальницей окрыленная Марина направилась в курилку, где тут же поделилась новостью со всеми присутствующими. Выслушав восторженные поздравления от коллег, давно твердивших, что она засиделась, Марина приступила к выполнению новых обязанностей.

Первая практикантка, Гаянэ, показалась ей очень старательной и милой девушкой, и они быстро нашли язык. Поль-

зуюсь отсутствием посетителей, она рассказала Гаянэ про шпаргалки, про документы для покупки алкоголя, про штрафы и провела небольшую лекцию в хлебном и овощном отделах, объясняя разницу между краснодарскими и испанскими помидорами.

– Как вы их отличаете? – прошептала оглушенная потоком новой информации Гаянэ.

– Краснодарские пахнут, а испанские – как пластмасса, но красивые, – хихикнула Марина, и Гаянэ недоверчиво посмотрела на новую начальницу.

За несколько месяцев это была ее третья попытка устроиться на работу. На двух предыдущих она все время попадала в ловко расставленную западню, высказывая истинное мнение об ассортименте магазина, за что и была уволена, так толком и не приступив к выполнению обязанностей. Но Марина показалась ей такой теплой и искренней, что девушка решила снова наступить на те же грабли.

– Точно, есть их невозможно. – Гаянэ улыбнулась ей в ответ, а Марина, почувствовав вдохновение от столь быстро установленного контакта, предложила девушке вернуться на кассу, по пути раскрывая маленькие хитрости.

– С семи до двенадцати пенсионерам у нас положена скидка по социальной карте, но я пробиваю ее и после полудня, мне не жалко. Зоя тоже глаза закрывает – делает вид, что не замечает. Нам мелочь, а старикам приятно. А еще я частенько спрашиваю у женщин средних лет паспорт, когда они по-

купают сигареты или алкоголь, – начала делиться она.

– Зачем? – Гаянэ была сбита с толку: эта теплая солнечная женщина была так непохожа на всех тех, с кем ей приходилось сталкиваться раньше. Ей одновременно хотелось довериться ей и подружиться и в то же время приходилось соблюдать дистанцию, ведь Марина была ее начальницей.

– Ну, мне это ничего не стоит, а им очень приятно, – улыбнулась Марина и бросила взгляд на часы – полдень. Сейчас придет Петр Никанорович, и ей предстоит выдержать бой с собственной совестью.

Марина решила, что быстро обрисует старику ситуацию и объяснит, почему не может больше уделять ему внимание. Так будет честно. Оставалось лишь надеяться, что он поймет.

Они вернулись за кассу, где Гаянэ прошла первое боевое крещение – пробила товары и правильно обозначила вид сдобы, найдя его код на подсказках.

Марина бросила встревоженный взгляд на входную дверь. Обычно по старику можно было сверять часы, но сегодня он почему-то задерживался. Неожиданно Марина почувствовала тревогу. А что если ему стало плохо, а рядом никого нет? До ее обеденного перерыва оставалось еще полчаса, но, будучи занятой со стажером, она пропустила две положенные ей пятнадцатиминутные паузы. Воспользуется служебным положением и приплюсует их к обеду, чтобы... Чтобы что? Отправиться на поиски Петра Никаноровича?

Да что она вообще знала о старике кроме имени? Она не имела ни малейшего понятия, даже где тот живет. Бросая время от времени встревоженный взгляд на часы, она все еще надеялась, что Петр Никанорович просто опаздывает – мало ли дел у человека? Он обязательно придет за своим стандартным набором продуктов. Но равнодушная стрелка часов медленно переползла к часу, а старик так и не появился.

– Мариш, обедать идешь? – позвала Танька, подходя к ее кассе и окидывая полным презрения взглядом Гаянэ, немедленно смутившуюся.

– Кстати, а где женишок-то твой? Сегодня что-то не видеть. Почувствовал, наверное, что ты теперь у нас бизнесвумен, ему не по зубам, – ослабилась подруга.

– Тань, я отойду на часик, без меня обедай, – пробормотала Марина, кивая Гаянэ, успешно справлявшейся с поставленными задачами.

Она вышла из-за кассы и быстро направилась к раздевалке, на ходу снимая униформу.

– Мариша, случилось что? – Подруга посеменила за ней, но Марине не хотелось тратить время на разговоры. Тревога все нарастала.

– Да Петра Никаноровича сегодня что-то нету. Пойду поищу его, он наверняка где-то рядом живет.

– Да дался он тебе, – досадливо поморщилась Татьяна, но, увидев взгляд Марины, осеклась и предложила: – Ладно,

иди, прикрою если что, помогу твоей Гюльчатай.

– Гаянэ.

– Без разницы.

Не тратя больше времени на разговоры, Марина положила униформу в шкафчик, оделась и, прихватив сумочку, выскочила из супермаркета. Остановилась на пороге, растерянно вертя головой. Куда идти?

Магазин был расположен в небольшом спальном районе, плотно утыканном пятиэтажками, по которым со все нарастающей скоростью начинал катиться каток модернизации. Старые дома шли под снос, на их месте вырастали огромные бетонные монстры, нарушая тихое очарование старого района, где во дворах все еще цвели липы, а на бульварах шелестели листвою могучие дубы.

Естественно, часа ей не хватит, чтобы обойти весь район. Но Петр Никанорович, несомненно, обитал неподалеку и был из старожилов. «Есть», – мысленно поправила себя Марина, пытаясь убедить себя, что со стариком все в порядке. Наверняка, если он провел здесь много лет, его должны знать местные кумушки.

Она решила начать обход с близлежащих домов. Возможно, в этом было и не много смысла, но это все же лучше, чем не делать совсем ничего. Если не получится разыскать его сейчас, то продолжит после работы. Несомненно, Петр Никанорович одинок, ведь будь у него дети, ему бы не пришлось каждый день ходить в магазин за столь скромным на-

бором продуктов.

Распаленное воображение услужливо рисовало картины одну ужаснее другой. Одинокому пожилому мужчине могло стать плохо, и, возможно, сейчас он лежит на полу в своей квартире и отчаянно молится, чтобы хоть кто-нибудь пришел ему на помощь. Или, может быть, у него десять котов, которые уже доедают его остывшее тело? Хотя, нет, с котами она погорячилась: Петр Никанорович никогда не покупал корм для животных.

Марина быстрым шагом пересекла паркинг супермаркета, послушно дождалась зеленого сигнала светофора, чтобы пересечь шумный проспект, и зашла в первый же двор, находившийся напротив ее места работы.

Здесь ей не повезло. Холодный зимний ветер выдул из двора всех местных обитателей, кроме двух скучающих молодых матерей с колясками, вынужденных совершать дневной моцион. Автоматически подкачивая закутанных до самых глаз младенцев, женщины были полностью погружены в собственные телефоны и не заметили появления Марины. Впрочем, одна из них даже не заметила, что ее ребенок уже давно не спит и сосредоточенно рассматривает голубое небо такими же ясными голубыми глазами.

Марина улыбнулась малышу и обратилась к девице с вопросом о старике. Та пожала плечами:

– Не в курсе, мы только переехали, но у нас в подъезде только бабка древняя – дедуль нет.

Вторая мамочка в ответ на вопрос Марины тоже покачала головой. Та, взглянув на часы, припустила в следующий двор, где на детской площадке пара малышей безуспешно пыталась взобраться на грязную мокрую горку под присмотром то ли няни, то ли бабушки. Услышав вопрос Марины, скучающая женщина дала ей подробный отчет о том, что сама живет в другом районе, а здесь у нее дочка поселилась, теперь вот она приезжает помогать пару раз в неделю с внуками, двойней, а еще пару раз в неделю те в сад ходят. Хотя глупость несусветная: неужели в детском саду им лучше, чем с родной бабушкой?

Марина попыталась пресечь поток красноречия, но женщина не дала ей такой возможности. Видимо, истосковалась по полноценному общению. Но в конце своей эмоциональной и сбивчивой тирады сообщила нечто ценное: в соседнем дворе живет местная сплетница, Антонина Савельевна. Вот уж кто все про всех знает.

Поблагодарив словоохотливую бабуся, Марина почти бегом кинулась в соседний двор. До конца перерыва оставалось меньше получаса, и ей не хотелось в первый же день на новой должности испытывать терпение Зои.

Как и предсказала новая случайная знакомая, Антонина Савельевна была на месте: грела старые кости на робком солнышке, сменившем дождь, игнорируя шквальные порывы ветра. Выглядела районная сплетница монументально: грязно-зеленое пальто с меховым воротником, два теплых

платка, повязанные поверх него, и внушительных размеров трость, которую она держала перед собой, готовая в любой момент дать отпор людям с грязными помыслами.

Услыхав вопрос Марины, Антонина Савельевна вначале всплеснула руками, а затем извлекла откуда-то из недр старомодного пальто такой же старомодный огромный клетчатый платок и картинно приложила его сначала к глазам, а затем трубно высморкалась.

– Вот ведь горе-то какое! Помер Петр сегодня ночью, – отдышавшись, сообщила она.

– Как помер? – Ноги помимо воли подкосились, и Марина, рухнув на лавочку рядом с новой знакомой, едва не задохнулась от запаха старости и плохо промытого тела.

– Ну так, – пожала плечами та, говоря жалобно и плаксиво, – плохо стало ночью, сердце прихватило. Он сам «скорую» вызвал, даже до двери дополз, чтоб замок открыть. Там его и нашли. У двери, значит.

Несмотря на горечь известия, в голосе соседки проскальзывали нотки откровенного смакования. Чужая трагедия вызывает разные эмоции, и одна из них, как это ни странно, – эмоция радости. Ликования от того, что это не ее сердце остановилось сегодня ночью. И что это не она была настолько одинока, что некому было открыть эту проклятую дверь и быть рядом в последний момент, держа за руку и пытаясь в последний раз согреть отлетающую душу.

– Господи, – прошептала Марина, и слезы вдруг сами

брызнули из глаз.

Она принялась совершенно по-детски смахивать их ладошкой, от чего они, казалось, начинали катиться все быстрее. Может быть, ей надо было навестить его вчера? Сама же заметила, что старик звучит и выглядит по-другому, не так, как обычно. А она отвлеклась на эту опаздывающую хамку, на собственную усталость. Равнодушие. Вот что погубит этот мир, а вовсе не глобальное потепление и пластик, как уверяет Антон.

– Как же он теперь? Это что же, – забормотала Марина, – где же он теперь?

– А я знаю? – вновь пожала могучими плечами Антонина Савельевна. – Приехала машина специальная, вынесли его в мешке закрытом, в морг, наверное, забрали.

– А потом что? – всхлипнула Марина, которой стало горько и тошно от такой вот обыденности бытия. Машина, мешок, морг. Это же все не про Петра Никаноровича, это просто какая-то условная сцена из условного фильма.

– Что «потом»? – непонимающе переспросила старуха. Она заерзала на лавке, устраиваясь поудобнее и вызывая новый приступ удушья у Марины.

– Кто же его в последний путь проводит? Он же одинокий. Нельзя же так, чтобы в общую могилу, не по-людски, – забормотала Марина сквозь слезы, хлынувшие с новой силой.

Как назло! Где тонко, там и рвется, все одновременно валится. Именно сейчас, когда ей так нужны деньги на лагерь

для дочери, ей придется часть из них отдать на похороны чужого ей старика. Впрочем, он не был чужим. В последние несколько лет она видела его чаще, чем собственного мужа. И она совершенно точно не позволит ему завершить свой земной путь в одной яме с бомжами.

– Да как же одинокий? Вон сын его приехал, – удивленно ответила Савельевна, кивая на огромную роскошную машину, припаркованную прямо возле подъезда. И тут же спохватилась: – А вы сами кто ему будете?

– Сын? – Марина так и застыла с отвисшей челюстью. У милого Петра Никаноровича был сын, бросивший отца в одиночестве на произвол судьбы? Ну сейчас он у нее попляшет!

Словно шутиха, запущенная умелой рукой в новогоднее небо, Марина взвилась и громко потребовала:

– Номер квартиры?

– Тридцать пять, – растерянно доложила Антонина Савельевна, решительно отказывавшаяся что-либо понимать.

Нудный и противный сноб Никанорыч, не жаловавший соседей и цедивший сквозь зубы лишь приветствия при встрече, долгие годы жил в полном одиночестве. А тут вдруг такой крестный ход, не успел покойничек остыть. Неужели наследство какое оставил? Хотя что с него взять? Пальто моллю траченное?

Но любопытство жгло изнутри. Если бы не больные ноги, не дававшие ей подняться выше собственного первого этажа,

Антонина Савельевна наверняка последовала бы за странной женщиной, со всех ног бросившейся в подъезд и так и не ответившей на вопрос, кем она приходится покойному, но рыдавшей так искренне, что сомневаться не приходилось – они близко знакомы. Может, любовница? А что, кого сейчас удивишь такой разницей в возрасте? Ай да Никанорыч, ай да сукин сын! Так вот почему он игнорировал все ее попытки свести знакомство поближе.

Не утерпев, старуха с трудом поднялась с лавки и, опираясь на толстую палку, заковыляла к подъезду в надежде уловить хотя бы драгоценные крупницы потенциального скандала.

Марина тем временем взлетела на четвертый этаж и решительно толкнула обитую выдавшим виды дерматином дверь, рядом с которой красовался облезлый латунный номер 35, и вошла в квартиру.

Прихожая была под стать обшарпанному дому. Пожелтевшие обои в цветочек, местами отошедшие от стен. Крошечное пространство, где кучно ютились аккуратная подставка для обуви, зеркало и небольшая полочка для мелочей. Рядом с ними – кованый держатель для зонтов. Почему-то этот старомодный утонченный предмет вызвал новый поток слез. Старик стремился к прекрасному, вот только возможностей у него для этого не было.

Все это Марина отметила автоматически, пока, не снимая обуви, фурией пронеслась через прихожую и ворвалась

в зал, посреди которого стоял высокий стройный мужчина. Он смотрел в окно и не обернулся, услышав чьи-то шаги. Руки сцепил за спиной, а голову опустил, словно кающийся грешник. И поделом!

– Да как же вы могли! – от всего сердца с негодованием воскликнула Марина и застыла, словно не вовремя обернувшаяся жена Лота.

Мужчина повернулся, и она оказалась лицом к лицу с Глебом Петровичем, собственным работодателем. Слова застряли в горле, а неизменное непроницаемое выражение лица Глеба сменилось искренним удивлением:

– Ма... – Как же ее звали-то, эту тетку, моющую туалеты? Маша, Марина, Марианна, прости господи?

– Глеб Петрович... – Та тоже выглядела ошарашенной и, внезапно растеряв всю воинственность, забормотала: – Я не знала, что вы сын Петра Никаноровича, как же это так... Примите мои соболезнования. Я думала, что он одинок.

– А что вы здесь делаете? – Глеб первым пришел в себя и с подозрением уставился на прислугу. Вот уж с кем отец никогда не водил знакомств, так это с полумойками. Не его полета птицы. И все же она здесь.

– Я... я знала вашего папу, – пояснила Марина, – мы с ним каждый день общались.

– Вы с ним общались? – растягивая в несвойственной ему манере слова, Глеб сделал шаг по направлению к Марине и

оказался совсем близко. У той перехватило дыхание от горьковатого парфюма.

Холеный красавец Глеб выглядел этакой дверью в Нарнию, через которую из серого и убого крошечного мирка хрущевки, где сегодня утром в одиночестве умер его отец, можно легко шагнуть в удивительную волшебную вселенную, населенную красивыми богатыми людьми. Вселенную, где таким, как Марина, не место. Именно поэтому он так удивился сейчас узнав, что она вообще могла общаться с его отцом.

– Да, общались! – с вызовом ответила она. И, уже понимая, что ступает в пропасть, не удержалась: – В отличие от вас. Все эти годы вашему отцу даже слово было молвить не с кем! Он каждый день приходил в магазин, где я работаю, покупал на жалкие гроши минимальный набор продуктов и разговаривал со мной. Потому что был безумно одинок. И умер он тоже в одиночестве! – немного повысив голос, Марина все-таки выплеснула накипевшее.

– Что вы сейчас пытаетесь сказать? Что я дерьмовый сын? – Глеб слегка нахмурился и стал волшебным образом еще красивее.

– Я пытаюсь сказать, что нельзя бросать отца в таком возрасте в полном одиночестве! Если бы вы были рядом, возможно, он бы остался жив.

– Да что вы знаете обо мне и моем отце? Может быть это он был дерьмовым отцом? И кто вы вообще такая, чтобы

судить? – отбросив в сторону светские приличия, рывкнул Глеб, давая себе волю и выплескивая боль, разочарование, стресс и страхи, мучавшие его последние год.

– Кто я такая? – захлебнулась Марина и осеклась, горько продолжив после секундной паузы: – Наверное, в вашем мире я никто. Просто кассир из супермаркета, к которой ваш отец каждый день приходил перекинуться парой слов.

– Ну надо же, удостоил вас такой чести, – скривив губы, процедил Глеб, а Марина с трудом удержалась, чтобы не отвести ему пощечину.

– Да, удостоил. И я этому рада. Он был прекрасным, умным, интеллигентным человеком, с которым всегда было приятно пообщаться, в отличие от вас, – с достоинством кивнула она. – И не вздумайте отправить собственного отца в общую могилу, я прослежу за тем, чтобы его похоронили достойно!

– Марина, – Глеб неожиданно вспомнил, как звали нахалку, – сегодня утром Ксения сказала мне, что вы попросили дополнительную работу? Кажется, моя жена предложила вам мыть туалеты на втором этаже, если вы пройдете испытательный срок.

Марина с трудом заставила себя поднять глаза на работодателя, уже холодея внутри и предчувствуя беду. Вместо ответа она молча кивнула.

– Так вот, Марина, я предлагаю вам немедленно заняться поиском нового рабочего места. Мы в ваших услугах боль-

ше не нуждаемся, – отрезал Глеб, скрещивая руки на груди и снова поворачиваясь к окну, давая понять, что разговор окончен. Он и так потратил на ее бред и оскорбления непроизвольно много времени.

– Сволочь, – тихо прошептала Марина, но Глеб расслышал. Повернувшись, он улыбнулся ей неожиданно мальчишеской улыбкой и кивнул:

– Может быть, я и сволочь, а ты никто и звать тебя никак. Убирайся.

Предчувствуя новый поток слез, Марина резко развернулась и бегом бросилась прочь из квартиры. Она не должна позволить этому мерзавцу увидеть свои слезы. Ничего, как-нибудь все решится и без их унитазов. Она обязательно что-нибудь придумает, уж поломойке найти работу не проблема. А за похоронами и последними почестями покойнику она обязательно проследит, как и пообещала Глебу. И если этот мерзавец попробует тихо избавиться от отца, она ославит его на весь город.

Кипя праведным гневом, Марина бросила взгляд на часы и обнаружила, что до конца перерыва осталось всего пять минут.

– Что там, милая? – сочась от нетерпения потребовала Антонина Савельевна, поджидавшая ее на ступеньках лестницы, которую так и не смогла преодолеть в тщетной попытке подслушать будоражащую кровь трагедию.

Марина резко остановилась и уставилась на пожилую жен-

щину. Сомневаться не приходилось – скажи она что-нибудь ей сейчас, к вечеру об этом непременно узнает половина района. И хотя обычно Марина сплетни не распространяла и старалась их избегать, в этот раз терять ей было нечего.

– Вы уж проследите, чтоб этот мерзавец отца в общую могилу не отправил, а то он и не на такое способен! – заговорщицким тоном попросила она, доставая из огромной сумки потрепанный блокнот, выдирая из него лист, доставая ручку и наспех записывая свой номер. Она протянула лист Антонине Савельевне:

– Если только попробует, сразу звоните мне: я сама обо всем позабочусь!

– Батюшки, – всплеснула руками Савельевна, беря лист и отводя его подальше, чтобы попытаться без очков разглядеть то, что там написано.

Но прежде чем она успела задать тысячу и один уточняющий вопрос, Марина выбежала из подъезда и припустила бегом к супермаркету, стараясь не обращать внимание на ментально сбившееся дыхание и прохожих, оглядывавшихся ей вслед. И на слезы, бегущие по щекам помимо воли. Все пропало. Она за десять минут почти разрушила жизнь дочери. Но, несмотря на сложную ситуацию, на душе отчего-то стало светло и радостно. словно давно копившееся горе и отчаяние неожиданно покинули ее вместе со слезами.

Марина и вспомнить-то не могла, когда в последний раз плакала – все больше старалась идти по жизни с улыбкой.

Много раз убеждалась, что так легче переносить жизненные трудности. Стоит разрешить себе погрузиться в пучину отчаяния, как та чавкающей трясинной потянет на дно, от которого уже не оттолкнуться. А стоит в ответ на беду глубоко вдохнуть и выдохнуть, после чего силой заставить себя улыбнуться собственному отражению в зеркале, так и трясина беды становится более плотной, и по ней уже можно осторожно поползти до суши.

Она обязательно что-нибудь придумает. К тому же работа с ужасными химикатами только вредила ее здоровью, давно надо было подыскать что-то другое, а она все тянула. Теперь вот будет стимул заняться. Так что все случившееся однозначно к лучшему.

Равнодушных не осталось. Даже молоденький Виталик, пришедший всего три дня назад стажироваться на должность охранника, пообещал завтра притащить «сто баксов из заначки» и смутился в ответ на горячие обещания Марины вернуть деньги при первой же возможности.

Изначально Марина не собиралась никого посвящать в свои проблемы. Обычно это ей все плакались в жилетку, будучи уверенными, что дальше нее информация не пойдет. А тут она сама не выдержала. Прибежала зареванная в последнюю минуту, встала к стажеру на кассу и на первом же

перекуре сдалась под напором Татьяны, выведывавшей, что произошло. Спустя полчаса сарафанное радио разнесло новость по всему магазину, а на следующий день люди начали нести деньги. Кто сколько мог, но капля за каплей собиралось вполне себе приличное озеро.

У Марины кружилась голова. Еще вчера она плакала от отчаяния, а сегодня слезы текли от радости. Поводов было хоть отбавляй: утром она выпалась, сыпь на руках значительно уменьшилась. Некоторые волдыри все же лопнули, но остальные стали заживать. Коллеги все, как один, высказали желание помочь ей. Хотелось порхать и смеяться.

Еще вчера вечером при разговоре с ближайшей подругой Валентиной она не выдержала и все-таки пожаловалась на полосу невезения, а сегодня с утра ошарашила ту, что жизнь вполне себе прекрасна и налаживается. Валентина, будучи женщиной хозяйственной и практичной, а также всегда приветствующая любое собрание людей, предложила Марине отблагодарить сотрудников за отзывчивость, накрыв стол, причем сегодня же.

Марина смутилась. Ей, конечно, такая мысль приходила в голову, но она ее решительно отвергла: людей надо принять по-человечески, а денег на это нет, каждая копейка на счету. Но подруга бодро попросила довериться ей: она все организует и еще небольшого барашка в бумажке подбросит. Это будет ее вклад в Кирусино будущее. Марина рассмеялась.

Какое счастье, что у нее есть Валентина и все эти люди!

Какое счастье в принципе, когда есть кому довериться и с кем разделить груз проблем. Она абсолютно счастливый человек!

Валентина работала удаленно редактором, и вся ее жизнь протекала в обществе двух огромных зажавшихся котов. Впрочем, это, как она утверждала, был выбор самой Валентины ведь реши она обзавестись спутником жизни, ей для этого стоило просто выйти на улицу. Мужчины к ее ногам складывались штабелями, несмотря на пятьдесят второй размер одежды, отсутствие макияжа и полное презрение к собственной внешности.

Стоило Валентине пойти в поликлинику на прием к врачу, как тот непременно в нее влюблялся. Сантехник всегда возвращался под предлогом забытого инструмента. В издательстве вообще было страшно появляться. После того, как Валентина два раза проехала в лифте с генеральным директором, тот был близок к тому, чтобы бросить молодую жену и предложить руку и сердце Валентине.

Но она не хотела. Ей было лениво, как она объясняла подруге. Котики и мягче, и приятнее, а главное, жрут молча, что дают, и носки не разбрасывают.

В перерывах между работой Валентина вдохновенно кашеварила, а Марина стеснялась намекнуть подруге, что если так пойдет и дальше, то в лифт собственного дома Валя скоро войти не сможет. Казалось, здоровье Валю тоже не волновало. Марина не знала, чем руководствуется подруга и на

что надеется, но одно она знала совершенно точно – если Валя предлагает накрыть на стол, то можно ни о чем не волноваться: он получится царским и обойдется в три копейки.

Запасные ключи от их квартирki у подруги имелись, и Марина расслабилась, полностью положившись на Валентину.

Принимая очередной конверт и аккуратно записывая в тетрадку, кто и сколько денег ей одолжил (о том, как она будет расплачиваться, Марина старалась не думать – Бог не выдаст, свинья не съест), она тут же приглашала добрую душу заглянуть к ней домой на скромное чаепитие. Все с удовольствием соглашались, интересуясь, что принести. Марина решительно отвергала дары и просила человека просто появиться лично. Все обещали, и только Зоя отказалась. Быстро войдя в комнату, где Марина собирала будущие долги, она резко протянула конверт и приказала:

– Это не обсуждается, я могу себе позволить.

– Хорошо, – опешила Марина, хотя Зоя была последней, от кого она ожидала помощи.

У самой хлопот полон рот, на фоне которых проблемы с заграничными теннисными лагерями казались просто издевательством. Но Марина понимала, что для Зои важно не стать исключением, подтвердить собственную нормальность и состоятельность. Поэтому она не стала спорить с начальницей и лишь озвучила приглашение на вечерний чай. Та в ответ драматично хохотнула:

– Ты что, хочешь всех гостей распугать? При моем появлении они разбегутся.

– С чего ты взяла? – искренне удивилась Марина. – Ты зря думаешь, что весь коллектив тебя ненавидит. Вовсе нет, к тебе хорошо относятся. Пара ссор с Татьяной не в счет. Она даже со мной иногда ссорится – просто человек такой. Так что не выдумывай и приходи!

– Я не люблю ходить в гости, – продолжала держать оборону Зоя.

– Но нельзя же так, – мягко возразила Марина. – Ты молодая женщина, а у тебя работа – дом – работа. Света белого не видишь!

– Можно подумать у тебя каждый день культурная программа, с театра на концерты перепархиваешь, – ощерилась Зоя и отвернулась, закусив губу, чтобы не дать волю эмоциям. Кроме Марины никто не знал про ее больную мать и ребенка инвалида.

– Ну, у меня хотя бы есть разнообразие в виде турниров, – мягко возразила Марина и примирительно предложила: – Может, сына с собой возьмешь?

– Ты что? – опешила Зоя, словно Марина предложила ей страшную непристойность. – Чтобы все узнали?

– Ну узнают, и что? – горячо принялась уговаривать ее Марина. – Ты его любить меньше от этого станешь, что ли?

– Нет, конечно, но как это... нельзя... – забормотала Зоя, никогда, собственно, не задававшая себе вопрос, почему она

скрывает сына-инвалида. Ей было стыдно. Что она такая неудачница, которую бросил муж, и что у нее ребенок не такой, как все.

– Ты вообще часто с ним выходишь? – вдруг осенило Марину.

Она жалела Зою и не держала зла на начальницу, даже если та бывала несправедлива. Но она никогда не задавала себе вопрос, а как Зоя, собственно, живет. На что похожа ее жизнь в четырех стенах с двумя людьми, полностью зависящими от нее? Марине тут же стало стыдно за собственный эгоизм.

– Выхожу, когда стемнеет, – кивнула Зоя и настойчиво сунула Марине в руки конвертик. – Спасибо, но я сегодня не смогу.

– Зоя, никто не будет смеяться. Наоборот, они поймут, – мягко, словно неразумного ребенка, принялась уговаривать ее Марина. – И маму бери. И сыну хоть какое-то развлечение будет. Думаешь, он сам не понимает, что ты его от людей скрываешь?

Ничего не сказав и так и не обернувшись, начальница вышла из комнаты. Марина хотела было последовать за ней и снова попробовать все объяснить, но тут же зашла новенькая, Гаянэ, и, стесняясь, молча протянула несколько сторублевых купюр.

– Да что ты, что ты! – замахала руками Марина. Она знала, что девочка приехала в город из какой-то глуши, снима-

ет угол в коммуналке и в этих деньгах отчаянно нуждается сама.

– Возьмите, возьмите, – начала твердить та как заведенная. – Я как все, пожалуйста, возьмите.

Поколебавшись, Марина протянула руку, решив, что завтра же что-нибудь соврет и вернет долг девчонке.

– Приходи ко мне сегодня вечером, чаю попьем.

– Нет, не надо, – так же, как и Зоя, забормотала та и залилась жарким румянцем.

– Нечего стесняться, там пара человек всего будет, все свои! – тут же решительно махнула рукой Марина, увидев улыбку на застенчивом личике Гаянэ. Та, немного поколебавшись, согласно кивнула.

По поводу пары человек Марина погорячилась. В их крошечную квартирку набились почти все сотрудники супермаркета. Марина с горечью отметила, что Зои среди гостей нет, но расстраиваться не стала. Это ее собственный выбор, пусть делает так, как считает нужным.

Разрумившаяся Валентина, собрав в аккуратную улитку (на кухне все должно быть стерильно!) тяжелые волосы цвета турецкого золота, обещающего вечную любовь, что исчезает на рассвете, сновала между гостями, представляясь тем, кого не знала, и кокетливо стреляя глазками во всех мужчин, появлявшихся на пороге. Словно сошедшая с ума скатерть-самобранка, она метала на стол все новые яства, почти полностью покрыв разносолами поверхность старого

раскладного стола.

Марина распознала домашние заготовки: соленые помидоры и огурцы, на которые Валя была большая мастерица, лечо, маринованные баклажаны, икра из них же (подруга всегда морозила овощи в промышленных масштабах и среди зимы любила порадовать Марину летними и осенними лакомствами), консервированные салаты, морковка по-корейски, гренки со шпротами, кокетливо украшенные веточками петрушки и выглядящие даже более аппетитно, чем традиционные бутерброды с икрой, которых Марина не видела уже много лет. Буйство намазок из самых простых и доступных ингредиентов: плавленых сырков, яиц и еще чего-то, что Марины фантазия просто отказывалась распознавать. И все это Валентина соорудила за полдня?

Быстро поцеловав подругу в щеку, она прошептала ей на ухо:

– Валюша, ты королева!

– Ой, да брось ты, так, наметала на скорую руку, – приосанилась она и тут же переключилась на Николаича, начальника охраны: – Так, мужчина, вот вы, садитесь во главе стола, нам как раз тут красивого мужчины не хватает.

Марина с трудом сдержала улыбку. Назвать Николаича красивым могла лишь несчастная жертва катаракты. Невысокий, с ушами, торчавшими перпендикулярно лысому черепу, с настороженным взглядом острых мышинных глазок, которые, казалось, сканировали и ощупывали лица всех и

каждого, пытаюсь рассмотреть на них все пороки мира. Говорил Николаич односложно и в основном междометиями. Наверное, даже собственная мать не отваживалась бы назвать его «красивым мужчиной», а Валентина даже не поперхнулась, чем заслужила пристальный взгляд глазок-бурбачиков и легкое движение челюстью, напоминающее крокодилье. Надо будет предупредить Валентину, что Николаич – это не влюбленный ортопед из поликлиники: сожрет и не поперхнется.

Но не успела Марина додумать здравую мысль, как к ней подошла Кира и, мягко взяв мать за руку, потащила ее в сторону своей спальни, зашипев на ходу:

– Мама, что происходит?

– Ничего, доченька, просто все эти люди решили помочь тебе, ну а мое дело – просто сказать им спасибо, – тихо прошептала Марина в ответ, плотно притворив за собой дверь в комнату дочери. Конечно, ей стоило сказать Кире все заранее, но она понятия не имела, что Танька бросит клич о помощи и люди так охотно откликнутся.

– Помочь мне? – непонимающе переспросила Кира, а Марина, взглядываясь в тоненькое личико, с грустью отметила, что тени под глазами дочери стали гуще, а кожа лица – еще тоньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.